

Юлия Вознесенская

Русалка в бассейне

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

«РУССКИЕ ДЕЛА»
ГРАФИНИ
АПРАКСИНОЙ

Юлия Николаевна Вознесенская
Русалка в бассейне
Серия ««Русские дела»
графини Апраксиной», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2814915

Вознесенская, Юлия Николаевна. Русалка в бассейне: Яуза-пресс: Лепта

Книга; Москва; 2015

ISBN 978-5-91173-458-9, 978-5-905889-73-8, 978-5-4444-4507-5

Аннотация

Как и в романе «Асти Спуманте», действие книги разворачивается в совершенно особой среде – в мире русской эмиграции. Главные герои – нелегальные эмигранты, место действия – Мюнхен. Русская красавица мечтала завоевать Европу, но – увы! – молодая небесталанная девушка при невыясненных обстоятельствах вдруг утонула в бассейне... Убийство или самоубийство? Это и предстоит выяснить детективу-аристократке Елизавете Николаевне Апраксиной.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	42
Глава 4	51
Глава 5	71
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Юлия Николаевна Вознесенская Русалка в бассейне

Допущено к распространению Издательским
Советом Русской Православной Церкви

© ООО «ГрифЪ», оформление, 2015.

© ООО «Издательство «Лепта Книга», текст, 2015.

© Вознесенская Ю.Н., 2015.

Глава 1

Случилось это в субботу 5 июня в конце 80-х годов последнего столетия второго тысячелетия, как раз перед началом Петровского поста. Ясным солнечным утром, когда воздух в Мюнхене так удивительно чист, что уже с южной окраины города видна на горизонте длинная гряда Альп с их сверкающими снежными вершинами, графиня Елизавета Николаевна Апраксина ехала с визитом к своей подруге, баронессе Альбине фон Ляйбниц.

Автобан № 8, идущий от Мюнхена на Зальцбург, несмотря на утренний час, был забит машинами. Ах, эта суббота! Графиня любила быструю езду и теперь вслух, хотя и вполголоса, проклинала себя, свою забывчивость и баварцев с их любовью «к натуре»: уж она-то, не связанная служебным расписанием, могла выехать за город и в пятницу днем, тем более что намеревалась провести в имении подруги несколько дней!

Поначалу она попыталась обойти идущие впереди машины и выйти на скоростную внутреннюю полосу, где автомобили все-таки как-то еще двигались, но вскоре оставила безнадежные попытки: по радиомаяку передали, что впереди, на тридцатом километре от Мюнхена, уже образовалась плотная пробка. Помолившись местному покровителю дорог святому Христофору и попросив, чтобы он как-нибудь

помог ей свернуть с автобана до пробки, она пристроилась за бусиком с байдаркой и велосипедом на крыше, с детьми и большой рыжей собакой внутри, расслабилась и предалась размышлениям. Все равно делать было абсолютно нечего.

Ехала она к баронессе не просто в гости, а по делу: до нее дошел тревожный слух, что на их общую подругу Птичку опять началась охота. Положение необходимо было досконально выяснить на месте и, если слух подтвердится, немедленно принять срочные и решительные меры.

Птичкой в их маленькой компании звали писательницу Марго Перес, обитавшую у баронессы в гараже. То есть не в самом гараже, разумеется, где стояли два автомобиля фон Ляйбницева и их маленький трактор, а в надстройке над гаражом, именуемой «скворечником»: это была крохотная квартира, состоящая из кабинета-гостиной, спальни и санузла с сидячей ванночкой. Для Марго, имевшей полтора метра роста вместе с каблуками и поистине птичье сложение, эти апартаменты были в самый раз, а вот гостей ей приходилось принимать в гостиной баронессы и, значит, под ее присмотром. Хитрость преднамеренная, но совершенно необходимая! «Скворечник» был задуман и построен специально для Птички, когда ее последний официальный муж, шестой по счету, отобрал у знаменитой писательницы ее однокомнатную квартиру в тихом, уютном местечке Мюнхена, на берегу Изара, возле старинной плотины. Бедная Птичка горевала: ей так нравилось просыпаться утром под бодря-

ший шум падающей воды! Баронесса Альбина просто и без экивоков предложила Птичке перебраться к ней и жить одной семьей с нею, ее мужем, бароном Генрихом, и двумя ее детьми от первого брака. Барон не возражал. Однако Птичка была женщина маленькая и слабая по части сильного пола, но очень гордая: «Я не стану приживалкой в доме даже лучшей моей подруги!» – заявила она. Ситуация зашла в тупик. Птичка застряла в крохотной комнатке дешевого пансиона, где страдала от уличного шума, любопытства хозяйки и сознания полной неспособности самостоятельно устроить свою дальнейшую жизнь. Альбина же, в свою очередь, терзалась, что не умеет пригласить Птичку таким образом, чтобы та не могла отказаться. Апраксина подумала-подумала и нашла вариант, устраивающий обе стороны. Она предложила на последние оставшиеся Птичкины деньги и на банковский заем, сделанный под очередной ее гонорар, построить в имении Ляйбницеv такое жилище, чтобы оно не могло соблазнить даже самого мелкого великана из числа ее поклонников и чтобы жилище это так и оставалось собственностью фон Ляйбницеv, а Птичка бы его только арендовала. Идея была с восторгом принята Альбиной и ее мужем, а Марго просто уговорили. У Птички были отобраны ее сбережения, что-то около пяти тысяч марок, ее заставили взять в кредит еще столько же, и на эти деньги (будто бы только на эти) была выстроена совершенно изумительная квартирка над гаражом. А затем между хозяевами имения и Марго Перес был

составлен и заключен договор на аренду – 500 марок в год.

Сидя в почти не двигавшейся машине и постукивая пальцами по рулю, Апраксина с удовольствием вспоминала, как они целый месяц злорадно проектировали «скворечник» с его низкими потолками и сидячей ванночкой. К участию в разработке проекта были приглашены даже дети Альбины, Катя и Лева, и вот они-то, проказники, и разработали коварный вход в Птичкино жилище. «Пусть будет как в волшебной сказке! – смеясь, предложили они. – Герой, чтобы попасть к тете Марго, должен будет преодолеть как можно больше препятствий!» «Препятствия» были спроектированы весьма коварно: сначала «герою» надо было подняться по крутой и узкой деревянной лесенке с очень низкими перильцами на крытую галерейку; кровля над галереей низко висела на толстых балках, и требовалось проявить чрезвычайную бдительность, чтобы ни об одну из них не треснуться головой; благополучно пройдя по галерейке на другую сторону «скворечника», «герой» оказывался перед малюсенькой дверкой, в которую и войти-то было непросто: Альбина, например, входила боком, а длинный Генрих сгибался в три погибели. Мебель «скворечная» была тоже сделана по специальному заказу: широкая, но короткая, почти квадратная кровать, два уютных креслица-подростка, диванчик-недомерок, столики высотой по колено мужчине среднего роста. Друзья помирали со смеху, когда заказанную мебель привезли с фирмы, но простодушная и малорослая Птичка подвоха

не заметила. Затея удалась вполне: первый же крупногабаритный поклонничек Птички, явившийся к ней с визитом, промаялся в «скворечнике» около часа в полусогнутом состоянии, стучаясь коленями о мебель и головой о потолок, и в конце концов не выдержал и повез Птичку ужинать в ресторан. Это был их прощальный ужин. Всех последующих поклонников Птичка принимала уже в гостиной баронов под бдительным оком Альбины. За беседой баронесса всегда находила случай вернуть словечко о том, что строеньице над гаражом принадлежит баронам фон Ляйбниц и от имени не отторгаемо.

Птичка печаталась под именем Марго Перес. Это был не псевдоним, а коротко обрезанное подлинное ее имя, вернее, даже не совсем подлинное. По документам она значилась как Маргарита Клавдиевна Переселенцева-Благовещенская. Имя, конечно, совершенно непроизносимое для немецкого читателя. Родилась она в конце 44-го года в небольшом местечке под Мюнхеном, в лагере для рабочих-остовцев. Рождение ее было таинственно и трагично. Однажды в лагерь привезли на машинах эвакуированных из других лагерей, к которым уже подходили русские. Среди них оказалась молодая беременная женщина, еще и заболевшая в дороге, по виду южной национальности, а может, и цыганка: бедняга была в горячке и в себя так и не пришла. Ее беременность была незаметна из-за страшной худобы, иначе бы ее вряд ли оставили в живых. Ночью она родила, не приходя в сознание, и

тут же отошла в мир иной. Девочка появилась на свет в свой срок, но была весом и ростом вдвое меньше нормы, крошечная и слабенькая; и она не выжила бы, если бы не усилия многих обитателей лагеря. Во-первых, сразу же нашлась отчаянная девушка по имени Клавдия, объявившая себя матерью новорожденной перед лагерным начальством. Девочку она назвала Маргаритой. На пеленки для маленькой Маргариты жертвовали последнее ветхое белье, для нее женщины, работавшие неподалеку в коровнике, со страшным риском выносили молоко в крохотных аптечных пузырьках. А вскоре нашелся сердобольный «бауэр», зажиточный крестьянин, который взял на работу Клавдию и вместе с ребенком перевез ее на свою ферму. Клавдия была рослая и крепкая волжанка и, чтобы не загреть обратно в лагерь вместе с ребенком, работала за троих. И все-таки в лагерь они снова попали, в самые последние месяцы войны, когда союзные войска уже вошли в Баварию, только на этот раз это уже был лагерь ди-пи, устроенный союзным командованием для лиц, оказавшихся в Германии вне родины¹.

Православные обитатели лагеря первым делом устроили церковь в одном из барачков. Это был удивительный храм! «Бывают церкви барочные, а у нас – барачная!» – шутили его прихожане. Потир был ими сделан из двух алюминиевых лагерных мисок разного размера: та, что поменьше, залитая свинцом, служила основанием, верхняя – самой ча-

¹ D P – displaced persons (англ.) – перемещенные лица.

шей, а скреплял их обыкновенный болт, с которого была сточена резьба, таким образом превратившаяся в витой рисунок; с помощью разной величины гвоздей и молотка на чаше был вычеканен сложный рисунок с иконками в овалах; лжицей служила обыкновенная чайная ложка, а иконы для храма женщины вышили нитками, надерганными из одежды². Посвящен был храм, естественно, святому Николаю Угоднику. Служить приезжал священник из русской обители св. Иова Почаевского, расположенной в Оберменцинге, пригородном районе на северо-западной окраине Мюнхена. (В нем и хранятся по сей день удивительные предметы из лагерного храма.) Порой из монастыря приезжал служить сам владыка Филофей, местный архиепископ. Он и крестил маленькую Маргариту 8 мая, когда в Европе было объявлено об окончании войны. Он же помог выбрать фамилию для девочки, ведь свидетельство о крещении стало ее первым официальным документом. «Назовем ее Переселенцевой!» – предложил кто-то. Владыка согласился, но предложил добавить вторую фамилию – Благовещенская: «Хоть сегодня и не праздник Благовещения, но весть об окончании войны – благая весть. Пусть носит двойную фамилию!» Так и записали...

Двойная фамилия спасла девочку от выдачи энкаведистам. Когда те явились в лагерь отбирать людей для насильственного возвращения «на родину, которая простила», и потребовали, чтобы русскую девочку выдали им для отправ-

² П о т и р и л ж и ц а – литургические атрибуты в Православной церкви.

ки в советский детский дом, им не удалось доказать, что родители Маргариты Переселенцевой-Благовещенской были прежде советскими гражданами именно благодаря двойной фамилии. При американском лагерном начальстве работала переводчицей русская девушка Нина Козубская. «Где это вы встречали у советских подданных двойную фамилию?! – возмутилась она. – Это настоящая дворянская фамилия! Я уверена, что родственники девочки обязательно отыщутся где-нибудь в Париже. Вам нужны неприятности? Вы их получите, я вам это обещаю!» И Маргариту оставили в лагере... А вот Клавдия от выдачи не убереглась и сгинула где-то в Сибири. Да и самой Нине Козубской пришлось бежать в Бразилию с последним транспортом беженцев: службисты НКВД в конце выяснили, что она помогала советским беженцам создавать легенды, спасавшие их от выдачи; мало того, она снабжала их фальшивыми документами и добивалась для них въездных виз в США и страны Латинской Америки.

Когда ди-пи стали разъезжаться из лагеря по Германии и по всему свету, девочку взяла к себе русская семья, оставшаяся в Мюнхене. Но и прочие лагерные опекуны не забывали ее: она получала от них поздравления и подарки к праздникам, на ее содержание и воспитание приходили небольшие, но регулярные пожертвования. Правда, с годами некоторые пожертвования сокращались, а потом и вовсе прекратились, зато другие начали расти: многие русские беженцы не толь-

ко благополучно устраивались, но и богатели в эмиграции; в Северной Америке русская эмиграция тех лет была самой богатой из всех, а в Южной Америке среди миллионеров было немало русских.

Маргарита выросла, русские эмигранты помогли ей выучиться на машинистку и устроили на работу в небольшое немецкое издательство. Издательство выпускало книги по истории и архитектуре Мюнхена и туристические проспекты для широкого потребителя. Особенно большим спросом продукция издательства не пользовалась, не те были годы, но зато и работы у Маргариты было немного.

Шли годы, но связь с опекунами не прерывалась. В издательстве у Маргариты была машинка и масса свободного времени. Опекуны понемногу старели, выходили на пенсию, скучали, ведь у многих и родственников не было, «кроме нашей Риточки», и она, чтобы развлечь их, писала им длинные письма, без зазрения совести вставляя в них целые страницы из публикуемых в издательстве книг: описания красот и достопримечательностей Германии, Баварии и Мюнхена, немецкие легенды. Часто она посылала им в подарок отбракované книги с издательского склада, красочные, отлично изданные альбомы, в которых не хватало нескольких страниц или были смазаны отдельные иллюстрации. Так шли годы, а потом опекуны вдруг принялись по одному умирать, и Маргарите стали приходить извещения о наследстве из разных стран. Она начала неудержимо богатеть, и к сорока го-

дам оказалась владелицей роскошной трехэтажной виллы в Богенхаузене, одном из респектабельнейших районов Мюнхена, кипы американских акций, в которых абсолютно не разбиралась, и весьма приличного капитала. Она тут же бросила работу и неожиданно для всех, а может, и для самой себя, сама начала писать книги. Издательство, в котором она проработала до сорока лет, к этому времени расширилось и стало выпускать самую разнообразную ходовую литературу; ее бывшие работодатели рискнули издать ее первую книгу, и книга эта имела успех. На счастье Маргариты.

– Или на горе? – громко усомнилась Апраксина, оглядывая плотные ряды машин впереди, с боков и сзади; убедившись, что пробка не рассасывается, вновь пустилась в воспоминания.

Вот тогда-то Маргарита, по совету издателя, существенно урезала свое полное имя. Конечно, если бы она жила, писала и печаталась в России, этого можно было бы и не делать: русские читатели относились к литературе с традиционной серьезностью и были способны запоминать и без запинки выговаривать имена немецких авторов вроде Хросвиты Гандерсхеймской или Ханса Якоба Кристоффеля фон Гриммельсхаузена. Но попробуйте заставить немца выговорить с ходу, например, такое: «Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин»! Вот потому-то она превратилась из Маргариты Переселенцевой-Благовещенской в Марго Перес. Легко запоминающееся и броское имя. Когда же пошли переводы, то в Испании

и Израиле читатели, а точнее читательницы, принимали ее за свою, о чем и писали ей в своих восторженных письмах, похожих на любовные.

Писала Марго исключительно для женщин. Героиней всех ее книг, «женских психологических детективов», как стояло на форзаце, была таинственная особа, всеведущая гадалка-экстрасенс, потомок ассирийских халдеев по имени Гала Хлоба. Апраксина считала, что в этой халдейке, «халде», как она говорила, и заключалась одна из причин сыпавшихся на головку Марго бед и катастроф. «Не трогай нечистую силу, чтобы она тебя не трогала! – не раз предупреждала она Птичку. – Ну зачем тебе вся эта оккультиatina сдалась? Писала бы нормальные детективы!» – «Но это же модно! – возражала Птичка. – Мои читательницы так любят мою Хлобу и ее таинственные прибабасы! Они потому и читают мои книги!» – «Тебя надо не читать, а отчитывать!» – сокрушенно вздыхала Апраксина и старательно молилась дома и в церкви за ее вразумление. Однако скрепя сердце продолжала рассказывать подруге детективные сюжеты из своей практики, и Птичка их без зазрения совести прибирала к рукам и обрабатывала для своих книг.

Но вообще-то Марго специализировалась на личных проблемах женщин, детективные истории служили ей лишь для фабулы. Не было такой семейной или любовной драмы, которую Гала Хлоба не распутала бы и не привела к счастливому концу. Хеппи-энд для книг Марго был обязателен:

«Неприятностей и горя вполне хватает и в реальной жизни, так пусть хоть мои читательницы твердо знают, что хороший конец в моих романах им гарантирован!» Читательницы действительно эту самую Хлобу обожали и присылали Птичке тысячи писем, рассказывали о своих проблемах и просили советов. Марго по старой привычке ни одно письмо без ответа не оставляла: она выискивала подходящие рекомендации в своей потрясающей картотеке, имевшей разделы по медицине, психологии, астрологии и еще невесть чему – целая женская энциклопедия! Она и собиралась когда-нибудь выпустить нечто подобное и даже название заранее приготовила: «Все премудрости женские от Евы до Маргариты». Из своей картотеки она черпала и сентенции для своей Хлобы – та «любила» говорить афоризмами. Удивительное дело, но советы Марго часто попадали в точку и действительно помогали! Еще поразительней было то, что самой Марго ее специфические познания не приносили ровно никакой пользы, кроме гонораров: ей всегда безумно не везло с мужчинами! «Почему это ты сама никогда не следуешь советам из собственного кладезя женской премудрости?» – не раз вопрошали ее подруги, Апраксина и Альбина фон Ляйбниц. «Ах, мало ли что напишут в книгах!» – отмахивалась Марго, заливаясь слезами по поводу очередного оставившего ее негодяя – мужа, жениха, любовника или просто поклонника.

Обстоятельства рождения и первых лет жизни сказались на внешности Марго не лучшим образом: она так и осталась

маленькой и хрупкой, похожей на черную галочку, но душой была неутомима, отличалась неугасимым жизнелюбием и доверчивостью ко всем без исключения. В восемнадцать лет она неудачно вышла замуж и вскоре развелась. В первый раз. Затем эта напасть регулярно повторялась. Пока она была обыкновенной девушкой, большой беды в этом не было: ну не везет в личной жизни, что же делать, надо жить дальше – авось впредь повезет! Но с ростом известности ей парадоксальным образом не везло все чаще и крупнее.

Сама крошечная, Марго-Птичка обожала высоких и представительных мужчин, и, хотя ее героиня Гала Хлоба утверждала, что крупные мужчины отличаются добротой и благородством, Марго из всех великанов попадались почему-то лишь проходимцы крупного масштаба. В их больших, ласковых и ловких руках сначала быстро растаяли ее капиталы, затем исчезла вилла в роскошном районе Мюнхена, после виллы большая квартира в центре города и напоследок скромная однокомнатная квартирка: при разводах с помощью таких же ловких адвокатов великаны один за другим изгоняли бедную Птичку из ее очередного гнезда. Марго была неисправима и необучаема: завидев мужчину крупного сложения, она млела и принималась восторженно вокруг него порхать и чирикать. Подруги с особенной опаской отпускали ее в писательские турне по Швеции или Норвегии: оттуда она вечно возвращалась поглупевшая и в сопровождении какого-нибудь белокурого викинга с хитрющими голубыми глаз-

ками. Викинг обирал Птичку, и этим его набег обычно заканчивался. Этот скорбный процесс остановила лишь постройка «скворечника» в имении баронов фон Ляйбниц, злонамеренно не вмещавшего великанов. Но на прошлой неделе баронесса Альбина позвонила Апраксиной и объявила, что на Птичку опять началась охота и даже «скворечник» не остановил охотника. Встревоженная Апраксина тут же позвонила Марго и в ответ на осторожный вопрос: «У тебя, говорят, новый поклонник объявился?» – услышала такой неумно восторженный щебет, что ей осталось только объявить: «Я на днях собираюсь к вам в гости. На несколько дней!» Птичка почуяла неладное и заюлила: «Право, Лизочек, я не знаю... Возможно, меня не будет дома...» – «А ты постарайся быть! Я по тебе очень, очень соскучилась!» – угрожающе сказала Апраксина и дала отбой. «Вот дура-то старая! – беспощадно думала она о своей подружке. – Ведь скоро пятьдесят! И когда она угомонится?» Но Марго Перес была женщиной современной. А современные дамы средних лет, как было известно Апраксиной, старость категорически отрицают в принципе и переходят из затянувшейся искусственной молодости прямо в могилу, минуя переходное время старости, данной Богом как раз для подведения итогов и на подготовку к смерти. Так что, увы, но по «евростандарту» Марго все еще находилась «в возрасте любви».

Обо всем этом и размышляла графиня, приближаясь в медленном потоке машин к съезду на Блаукирхен. Объехав

по местному шоссе городок, она свернула на пустую проселочную дорогу и последнюю часть пути проделала с привычной скоростью в девяносто километров. Вскоре она уже ехала по частной дороге баронов фон Ляйбниц.

Имение со всех сторон окружал густой лес, причем не селяный, а природный, также принадлежавший баронам. Проезжая по нему, Апраксина в который раз подумала о том, как причудливо складываются судьбы русских эмигрантов за границей. Вот, скажем, баронесса Альбина фон Ляйбниц, урожденная Романова. Однофамилица российских императоров, она при вопросах на эту тему – не принадлежит ли она к императорской фамилии, гордо отвечала: «Не имею чести! Вышла я вся из народа и этим горжусь!» Родилась она и выросла в каком-то захолустном городке Чапаевске, под Самарой или, как дико выражалась баронесса, «из-под Куйбышева». В своем Чапаевске она окончила школу, но затем поехала в Москву и сумела поступить в университет. Там она уже на первом курсе связалась с диссидентами и вышла замуж за одного из них. Диссидент дважды садился в лагерь, и оба раза Альбина верно ждала его, изо всех сил организуя общественность, московскую и мировую, в защиту мужа: то есть составляла письма протеста и рассылала их куда только можно, встречалась с иностранными журналистами и так далее. Между его отсидками у них родилась дочь, а из последней поездки к мужу в лагерь Альбина вернулась беременной. Вскоре после этого мужа прямо из лагеря выпихнули за гра-

ницу. Когда через полгода Альбину выпустили к нему, он сообщил ей в Вену, бывшую то ли эмигрантским коллектором, то ли просто пересылкой, что он встретил в Париже свою настоящую большую любовь, а потому встретить беременную Альбину с их дочерью в Вене никак не может. «Это было бы нечестно по отношению к вам обеим, к тебе и к моей французской подруге! – объявил он. – Я не могу оскорбить ни ту, ни другую ложью, я слишком хорошо отношусь к вам обеим!» Уклонившись таким образом от нанесения оскорбления обеим дамам, он, следуя своим принципам, заодно уклонился и от всех забот о бывшей жене и общих детях, и осталась Альбина посреди Европы одна, с дочкой-малолеткой и с пузом. На ее счастье, в Вену приехала на презентацию новой книги Марго Перес. Их познакомил некто Лев Александрович Рудкевич, тоже эмигрант, профессор-биолог из Петербурга (то есть тогда Ленинграда, конечно, поправила себя Апраксина, любившая точность, хотя и ненавидевшая узурпаторское именование бывшей русской столицы). Лев Александрович, приятель графини Апраксиной, член НТС и староста русской церкви, в те времена опекал почти всю политическую русскую эмиграцию в Вене³. Марго, проникшись трудной женской судьбой диссидентки, не долго думая, пригласила Альбину с дочерью пожить у нее, «пока все как-ни-

³ Н Т С – Народно-Трудовой Союз (российских солидаристов) – крупнейшая русская политическая партия в эмиграции, основанная в 1930 г. в Белграде и дожившая до наших дней.

будь да устроится», и тут же нашла способ переправить ее нелегально через австро-германскую границу. Тогда Марго еще жила на своей вилле в Богенхаузене, устраивала журфиксы, знала весь Мюнхен и легко организовала Альбине скорое получение политического убежища через американские оккупационные власти. Она выделила для нее самую светлую комнату на вилле: «Дети должны расти на солнце!» Благополучно родился диссидентский сыночек, Альбина оправилась, стала учить немецкий и учиться жизни на Западе. Апраксина без всякой задней мысли познакомила ее с молодым бароном Генрихом фон Ляйбницем, а вот Марго, увидев их рядом, мгновенно решила: «Замечательная пара – подпольщица и барон. Надо бы сосватать!» – «Только тебе, глупая ты Птица, могло придти в голову такое нелепое сватовство!» – ужаснулась Апраксина, услышав ее романтические замыслы. А сватовство-то как раз и удалось, и брак состоялся и, более того, оказался на диво удачным. Довольная Птичка на свадьбе, пользуясь тем, что большинство гостей ни слова не понимает по-русски, распевала во все горло на мотивчик из Кальмана, дирижируя себе бокалом с шампанским:

Наш баварский барон
в диссидентку влюблен!
Говорят, и она
влюблена-а-а
в барона-а-а!

Барон по характеру был мягок, уступчив, блестяще образован, воспитан в традициях и со всеми этими аристократическими достоинствами очень скоро оказался под каблучком у супруги из Чапаевска. Впрочем, ему там было уютно: натура у жены оказалась обычная среднерусская, то есть преданная, покладистая, хотя и грубоватая.

Супруги-то жили мирно и в любви, а вот бедной Марго от баронессы-высочки доставалось: именно потому, что когда-то Птичка пригрела в своем гнезде бесприютную Альбину и ее детей, новоиспеченная баронесса неистово возмущалась тем, как на глазах у всех тает имущество Марго, и пыталась этому воспрепятствовать. А когда состояние Марго все-таки растаяло и Птичка поселилась в «скворечнике», баронесса принялась отгонять от нее поклонников всеми доступными способами, как мух. «Моих последних поклонников!» – жалобно попискивала Марго, намекая на возраст, но баронесса была непреклонна и безжалостна.

Среди лесистых холмов открылась зеленая долина с небольшим озером посередине и замком на берегу. Замок был почтенного возраста и давно нуждался в хорошей реставрации, хотя ветхость его стен скрывал пышный ковер дикого винограда. Крыша здания и четырех башенок была живописно разноцветной, поскольку тоже давно нуждалась в полном обновлении, но для этого не было денег и не доходили руки, и потому перекрывались лишь те участки, откуда выпадала черепица; обычно это случалось после бурь,

столь частых в предгорьях Альп. Зато сад вокруг замка был в прекрасном порядке: сама баронесса ухаживала за ним не покладая рук, а у нее был, как говорят немцы, «зеленый палец» – все у нее всходило, приживалось, росло, цвело и плодоносило. Сад был обнесен чугунной оградой между обомшелыми и местами осыпающимися известняковыми столбами.

Апраксина не стала въезжать в распахнутые ворота и поставить машину в гараж, чтобы не вспугнуть Птичку: она оставила ее у ворот и пешком прошла к замку, держась поближе к высоким кустам. Альбину она обнаружила на кухне за чисткой картофеля к обеду.

– Наконец-то! – воскликнула баронесса, бросая недочищенную картофелину в миску к уже очищенным и вытирая руки о фартук. – Кофе будешь пить?

– Буду.

– Вот за кофе я и расскажу тебе, что отмочила наша Птичка поднебесная, краса наша ненаглядная и дурь неописанная!

Она быстро зарядила кофеварку и уселась на кухонном табурете с сигаретой. Апраксина села в плетеное кресло напротив и приготовилась слушать.

– Я вся внимание!

– Ох, прямо не знаю, с чего начать... Нет, ну какая же все-таки дурочка!

– Это ты уже говорила. И не раз.

– Ну, ты знаешь, что наша Птичка любвеобильная стремится к тому, чтобы тень входящего к ней мужчины падала на тень уходящего...

– Это я знаю. Дальше?

– Ты слышала, что год назад скончался ее издатель?

Апраксина кивнула.

– Это был издатель-нянька, издатель – мать родная, который ей, бестолковке, только что нос не вытирал! Благодаря ему были у нее деньги и на личном счету в банке, и в издательстве, вложенные в выпуск ее же книжонок. Именно эти деньги давали возможность спокойно думать о старости, которая, между прочим, у Птички нашей не за горами. То есть спокойно думать не ей – нечем ей думать! – а мне: я была уверена, что с этими деньгами она проживет, даже если бросит писать. Я собиралась просить Генриха вложить их в какое-нибудь надежное дело, потому как на гонорары в Германии никто из писателей, кроме Консалика⁴, не живет. Так вот, издатель ее умер, и наследник перенял дело. Этот наследничек быстро смекнул, кто в издательстве ведущий автор, и принялся обхаживать Птичку.

– С какой целью?

– Обобрать! – жестко сказала баронесса. – Он уже, между прочим, сделал ей предложение. Пока, к счастью, только деловое предложение – дать ему право на вложение ее гонора-

⁴ Хайнц Гюнтер Консалик – преуспевающий автор дешевых популярных романов в Германии.

ров в какие-то совместные германо-советские предприятия.

– Бог мой! Да ведь Советский Союз на ладан дышит! Он что, сумасшедший?

– Отнюдь! Пока СССР разваливается, самое время по дешевке скупать сырье и даже целые предприятия. Можно начинать очень крупные дела, как легальные, так и не очень, воруя там сейчас самое раздолье. Там уже первый миллионер, говорят, появился!

– Рублевый миллионер?

– Да нет, там уже счет на доллары пошел!

– Ишь ты! Слетелось воронье на падаль...

– Именно. Пока в стране идет смута и борьба за власть, экономика страны подыхает. И этот наш поклонник тоже хочет свой кусочек урвать – за Птичкины денежки. У него еще и какие-то международные проекты намечаются... Ну да фиг с ним и с его проектами, а вот Маргошкины деньги надо у него из клюва вырвать! И я бы это сделала, но он, видимо, почувствовал, что я готова вмешаться, и собирается, как она проговорила, сделать ей предложение с заключением брачного договора по всей форме.

– Она что, совсем потеряла голову? На сколько же лет примерно моложе ее этот наследничек?

– Почему «моложе»? Он ей в отцы годится.

– Как это так? Не понимаю...

– А с чего ты взяла, что он должен быть младше ее? Женишок наш – отец ее покойного издателя.

– Сущее безумие!

– Оно самое. Старик уже давно жил на покое, в свое время он ушел от дел и передал издательство сыну. Кстати сказать, тогда почти убыточное. Сын издательство перестроил, наладил и сделал процветающим, а старик жил себе полурастительной пенсионерской жизнью. Но тут сын возьми да и помри! Старик неожиданно встрепенулся, ожил, помолодел и снова решил приняться за дела. Благо сын оставил ему в десять раз больше, чем он когда-то передал сыну.

– Подумать только! – воскликнула графиня. – Какая, однако, нетривиальная семейная история... А он хоть симпатичный, этот старикан?

– Омерзительный! Представляешь, такой высокий, толстый, седой дядя и... хихикает! Я с ним не могу разговаривать: он хихикнет – а меня тошнит! Я понимаю, можно улыбаться, можно ухмыляться, можно хохотать во все горло – но зачем же хихикать?!

– Все понятно, ты хихикающего не любишь. Но как развиваются отношения Птички с этим престарелым хихикающим наследничком? Часто он ездит к ней?

– Они уже никак не развиваются, и больше он сюда не ездит! – с глубоким удовлетворением произнесла баронесса Альбина. – Я ему отказала от дома. Теперь наша задача – ее к нему не выпускать, пока он о ней не забудет.

Апраксина взглянула на лицо баронессы и поняла, что претенденту на руку Птички было отказано от дома самым

решительным образом.

Она допила свой кофе, поднялась и сказала:

– Ну что, пойдём к ней?

Они вышли из кухни на террасу и пошли к гаражу. По дороге графиня спросила:

– Ты думаешь, её удастся вызвать на откровенный разговор?

– Пока она от этого всеми способами уклоняется, хитрит и юлит, решительного разговора не выходит. Но у тебя-то может и получиться. К тому же, у меня есть план, как усыпить её бдительность. Как ты смотришь на то, чтобы нам вдвоём отправиться в оранжерею – полюбоваться на выставку орхидей?

– Как всегда – положительно.

– Отлично! А Птичку мы просто умыкнем. И вот после выставки мы уютно усядемся за столик в кафе, под сенью плетистых роз и глициний, закажем Марго её любимое ореховое мороженое, бокал секта, усыпим слегка её бдительность... А там возьмем её за бока и вдвоём как-нибудь охладим её любовный пыл!

Апраксина засмеялась и нараспев произнесла старинный стишок, который помнила с детства:

Птичка ходит весело
по тропинке бедствий,
не предвидя от сего
никаких последствий!

Стараясь держаться в тени кустов, заговорщицы осторожно приблизились к гаражу с теремком «скворечника» на крыше... За занавеской окна мелькнуло и пропало лукавое личико. Но баронесса его успела заметить и крикнула:

– Марго! Не прячься! Я знаю, что ты дома! – И баронесса с графиней пошли на приступ «скворечника».

Глава 2

С видом глубоко горестным и одновременно слегка блудливым Марго полусидела-полулежала с ногами на просторном как диван заднем сиденье «Ренджровера» и тихонько шипела себе под нос: «Гнусные замороженные аристократки, где им понять душу творческого человека? Тем более влюбленного...» Она даже тихонечко поскуливала от тоски и безнадежности. «Гнусные аристократки» везли ее прямо в «рай» – в большой цветочный магазин под названием «Парадиз», при котором имелись оранжереи и древесный питомник, выставочный зал, а также сад и в нем прекрасное кафе; в «Парадизе» можно было не только закупить все необходимое для сада и полюбоваться цветами на выставке, но и погулять среди зелени, посидеть в кафе. Однако душа Птички жаждала совсем не райских утех, тем более не выше перечисленных: она строила планы, как ей удрать из-под надзора, добраться до местного вокзала и там сесть на электричку, идущую в Мюнхен. Она все-таки успела украдкой позвонить любимому и сообщить ему, что ее везут в магазин «Парадиз» в Блаукирхене: не может ли он приехать туда и выкрасть ее? Это было бы так романтично! Но любимый ответил, что приехать в «Парадиз» никак не может, а вот если она сама сбежит от похитительниц, приедет на электричке в Мюнхен и позвонит ему с Главного вокзала, они могут встретиться.

Легко сказать...

От визита Апраксиной в имение Птичка не ждала для себя ничего хорошего. Альбину она еще могла смутить, вернее, замутить ей голову, напомнив ей о правах человека вообще и своих в частности, о священном праве личности на личную жизнь, в том числе и на интимную, но вот на графиню Апраксину такие доводы абсолютно не действовали. «Бог дал человеку права, но отнюдь не для того, чтобы человек их перетолковал по-своему!» – скажет она, и спорить с нею будет бесполезно. Еще графиня-детектив опасна тем, что скрыть от нее правду практически невозможно, это Марго хорошо усвоила за столько-то лет их дружбы! Правда, зато в отличие от суровой баронессы на Апраксину можно было воздействовать через область чувств: напомнить о том, что у нее, у Птички, было тяжелое детство, затем не менее трудная юность, а вот теперь ее хотят лишить простых и невинных радостей жизни... В общем, поодиночке она еще могла как-то обезвредить подруг, но вот когда они объединялись – тут уж пиши пропало! Ну почему, почему они заранее так невзлюбили ее жениха? И зачем только она согласилась ехать в этот проклятый «Парадиз», ну к чему ей этот цветочный рай?

Марго к цветам была совершенно равнодушна, но скрывала это даже от подруг – боялась, что смеяться будут. Они и так достаточно потешались над ее женскими романами. Как назло, в своих романах Марго как раз давала множество со-

ветов своим читательницам по части флористики. Она советовала, как им украшать свои жилища цветами, ее героиня Гала Хлоба была будто бы знатоком по этой части, что придавало книгам Марго особый колорит и позволяло оформителю ее книг каждый раз помещать на обложку какой-нибудь редкостный цветок – это был ее писательский бренд. Вообще-то Марго беззастенчиво сдирала для своих романов целые страницы из цветоводческих журналов, книг и брошюр по фитотерапии. Марго была компиляторшей, каких мало! На самом же деле не было для нее скучнее занятия, чем прогулки по оранжереям и цветочным выставкам. На что там смотреть, ну сено и сено! Она любила цветы только на обложках своих книг: не было цветочков в ее детстве, вот она к ним и не привыкла. Ну ничего, в душных цветочных джунглях оранжереи она уж найдет способ потеряться и смыться!

Доехали они скоро, ведь «Парадиз» располагался на окраине Блаукирхена. Баронесса втиснула свой пожарно-красный «Ренджровер» между разнокалиберной автомобильной мелюзгой, дамы вышли из машины и гуськом двинулись к входу в магазин. Баронесса шагала впереди, насвистывая что-то бравурненькое, Марго плелась посередине, а графиня Апраксина молча и задумчиво замыкала шествие.

После уличного зноя свежая прохлада первого павильона показалась поистине райской. Здесь стоял легкий зеленоватый сумрак, несмотря на стеклянную крышу. Баронессе срочно понадобилось посетить туалет, они договорились

встретиться возле орхидей и разошлись: графиня взяла Марго под руку и неспешно проконвоировала ее к кадкам с пальмами.

– Ты только взгляни, Птичка, как гордо покачиваются на сквозняке верхушки этих замечательных кенийских пальм! А разве не прекрасны перья и опахала финиковых и кокосовых пальм? А посмотри на эти банановые деревья: из четырех таких листьев можно устроить навес над всей твоей галерейкой. Кстати, а ты знаешь, что банан – это не дерево, как многие считают, а трава? – Мрачная Птичка ничего не ответила: она этого не знала, да и знать не хотела! – О, посмотри-ка, – слегка ненатуральным тоном продолжала Апраксина, – какие великолепные гибискусы! Ты когда-нибудь видела такие – с цветами абрикосового цвета, с темно-бордовой звездочкой и черным пестиком внутри? Кстати, а ты знаешь простонародное название гибискуса в России?

– Об этом лучше спросить нашу баронессу, – не без подтекста ответила Марго.

– Она-то мне об этом и рассказала! В России гибискус зовут «китайской розой». Интересно, почему? Может быть, в Россию он попал из Китая? Ты случайно не в курсе?

– Нет, я не в курсе! – буркнула Птичка.

– А вот и абутилоны! Ах, эти дивные абутилоны! Не правда ли, издали их тоже можно принять за гибискусы? Похожа и форма листьев, и цветков... Но ты-то, конечно, никогда бы их не спутала, ведь у них совершенно разная форма

пестиков, да и чашечка цветка у абутилона более плоская. Я уже не говорю о гофрированности лепестка гибискуса и абсолютной гладкости абутилона. А посмотри-ка, кто там стоит рядом с каллами?

Марго радостно вздрогнула и посмотрела с надеждой туда, куда рукой указывала Апраксина. Но там никого не было. Впрочем, это и не мог быть ее возлюбленный издатель, ведь Апраксина не была с ним знакома, слава богу.

– Это же фламинго! – воскликнула Апраксина. – Да-да, «цветы фламинго»! Помнится, в романе «Откуда приходит любовь» ты советовала слабым и неуверенным в себе женщинам непременно держать у себя дома «цветы фламинго». Кстати, я все забываю спросить тебя, а какого цвета надо выбирать цветок, чтобы с его помощью повысить самооценку?

– Это совершенно не имеет значения, какого он будет цвета, – тускло ответила Марго.

– Как это «не имеет значения»? Не ты ли в романе «Куда уходит любовь» писала, что для полного взаимодействия цветов и хозяев дома важны не только цвета, но даже их оттенки? А я-то привыкла верить всему, что выходит из-под пера Марго Перес!

Птичка начала ежиться плечами, как это делают стесняющиеся девочки.

– Я все-таки думаю, графиня, что к «цветам фламинго» это не имеет отношения.

– Вот как? – Апраксина на минуту задумалась. – В таком

случае, я полагаю, лучше всего остановиться на естественном цвете. Какого цвета они на воле?

Птичка в растерянности оглядела угол, заставленный большими горшками с «цветами фламинго» – малиновыми, алыми, розовыми и белыми.

– Я что-то сейчас не припомню точно... – пролепетала она. – Ах да! Ну, конечно! Если в них прячутся фламинго, а фламинго – розовые, то и цветы на воле должны быть розовые!

– Понятно. Я так и подумала. Ах, Марго, дорогая, ты только погляди, какие чудовища! – Она указала на крупные светло-зеленые растения с огромными колокольчиками, формой да и размерами похожими на раструбы старинных граммофонов. – Судя по цветам, это что-то из семейства пасленовых? Я не ошибаюсь?

– Да вы-то никогда не ошибаетесь! – с некоторой обидой в голосе произнесла Марго. Она быстро подошла к кадке с невероятным растением, наклонилась к этикетке и прочла по слогам: – Да-ту-ра!

– Спасибо, дорогая, – кивнула Апраксина. – Не устаю восхищаться твоими поистине энциклопедическими познаниями. А вон там, на стеллаже, я вижу целую коллекцию суккулентов... А рядом – эпифиты! – Апраксина чувствовала уже покаявания совести, грех было так издеваться над бедной влюбленной дурочкой, но остановиться не могла – ее несло. – Подойдем поближе, ты ведь, конечно же, хочешь полю-

боваться суккулентами и эпифитами?

– Нет! – неожиданно взъярившись, отрезала Марго. – Не желаю я больше любоваться ни «юпифитами», ни этими «суками» или как их там!

– Боже мой, Марго! Разве можно допускать такие выражения в адрес наших «зеленых друзей»? – ужаснулась Апраксина. – Ты же писала в романе «Держи меня за руку», что домашние растения обидчивы...

– Я не помню всего, что я понаписала! – взвизгнула Марго. – Написала – и забыла! Не хочу я больше смотреть на этот огород! Где Альбина? Я домой хочу!

Тут-то их как раз и разыскала Альбина. Апраксина перевела дух.

– Что – большой бунт на нашем маленьком кораблике? Чего ты хочешь и чего ты не хочешь, дорогая Марго? – спросила баронесса.

– Ничего не хочу!

– И мороженого не хочешь? Может, нам пойти сначала поесть мороженого, дорогие, заговориться на Петров пост?

– Да! – сердито ответила Птичка: недокормленная мороженым в детстве, она хотела его везде и всегда, даже в пост.

– Так в чем же дело? Вот только заглянем на минуточку в выставочный зал, чуточку полюбуемся на орхидеи, и я заодно выберу там пару экземпляров для гостиной, а потом немедленно отправимся в кафе.

Не задерживаясь уже больше перед другими цветами, они

прошли в павильон, целиком заставленный одними орхидеями. Если в других помещениях «Парадиза» между горшками и кадками с растениями стояли скульптуры, небольшие переносные фонтаны, стеклянные шары, фонари и прочая садовая атрибутика, то в зале с орхидеями не было никакого китча и вообще ничего лишнего, кроме металлических столов, расставленных правильными рядами, и простых глиняных горшков с орхидеями. Только некоторые, особо ценные растения стояли отдельно, на специальных подставках, на каких в музеях стоят небольшие скульптуры, и даже под стеклянными колпаками. Между рядами орхидей бродили восхищенные посетители.

Какая-то дама стояла перед одной из таких подставок, слегка покачиваясь и взирая на стоящее на ней растение с совершенно зачарованным видом. Дама взволнованно дышала, отчего ее высокая грудь ходила ходуном, лицо покраснелось, на крутом лбу выступили росинки пота. За стеклом был необыкновенный экземпляр «венерина башмачка» – огромный, оливково-зеленый, с тигровыми пятнами на воскрыльях, с легким коричневым пунктиром на самом «башмачке» и нежнейшим розовым пятнышком на самом его кончике. Такие же пятнышки были и на стекле. «Уж не поцеловала ли она цветок сквозь стекло, оставив на нем пятно губной помады?» – подумала Апраксина. Но нет, лицо дамы не носило никаких следов косметики. Впрочем, это могла сделать до нее любая другая посетительница, увидев цену на этикет-

ке, – так сказать, прощальный поцелуй!

– Какая развратная тётка! – негромко сказала баронесса, глядя на странную даму. – Марго, вот тебе тема для новой книжки – роман женщины с орхидеей!

– Ну, это уж слишком! – взвизгнула Марго, вырвалась, подхватила и помчалась к выходу из павильона.

– Чего это она вдруг взбесилась? – удивилась Альбина.

– Авторское самолюбие, надо полагать! – усмехнулась Апраксина. – А ты уже выбрала, что купить?

– А я куплю вот эту самую штуку! – Альбина решительно ткнула в зловещее и прекрасное растение.

– Ты с ума сошла, Альбина! Взгляни на цену!

– У меня банковская карточка с собой. Это будет подарок от Генриха к моему дню рождения. Я ему покажу сначала подарок, потом магазинный чек, и он, конечно же, как благородный и благодарный человек не откажется перевести деньги на мой счет. Мы всегда так делаем.

Апраксина покачала головой: финансовые отношения в семье баронов для нее были загадкой. И все же, желая удержать подругу от транжирства, она зашла с другой стороны:

– Прости, Альбина, но разве твой день рождения не в марте?

– Да, он уже прошел... Но ведь и следующий март тоже на за горами, так что пусть у меня будет заранее подарок от мужа, который мне нравится, – я имею в виду подарок, а не муж.

– ?

– Да нет, муж мне тоже нравится... Ах, да не путай ты меня, Елизавета! Хватит с меня одной Марго!

– Хорошо, я постараюсь. Пойдем Птичку ловить!

– Сначала – орхидея! А то вдруг эта одуревшая тетка решится и купит ее.

– Наверяд ли, взгляни на ее обувь: у нее стертые каблуки... А что это с Марго случилось?

– Понятия не имею! Не могла же она так обидеться за одно только упоминание ее книг?

– Могла. Особенно если ей надо было разыграть обиду, чтобы иметь повод от нас удрать. Я все-таки пойду ее искать, а ты покупай свою развратную орхидею и приходи в кафе – мы будем там.

– Ладно.

Апраксина вышла из выставочного зала в сад. Он занимал гектара четыре, и в нем было множество образцовых сади-ков, устроенных для просвещения садоводов-любителей: са-дики английские и китайские, японские и мавританские, с бассейнами, прудиками и ручейками, беседками и пергола-ми, фонтанами и скульптурами, скамеечками для бабушек и детскими площадками, альпийскими горками и каменны-ми садиками – все и на всякий вкус! Найти среди всей этой красоты маленькую Марго было задачей поистине детектив-ной, и Апраксина, вздохнув, решительно ступила под сень дерев...

Нашла она Птичку неожиданно легко: та вовсе не пряталась в кустах, как можно было предположить, а стояла, вся на виду, на изящном горбатом мостике, перекинутом через небольшой вытянутый пруд. Прудок этот по берегам зарос желтыми и лиловыми ирисами, а в воде его уже распускались розовые, белые и желтые кувшинки-нимфеи. Удивительное дело, но Марго любовалась водяными цветами, перегнувшись через перила и явно утратив бдительность. Апраксиной показалось, что Птичка слишком уж свесилась вниз, и она поспешила к ней.

– Марго, не наклоняйся так низко – свалишься! Ты ведь у нас не водоплавающая птица!

– Идите сюда, Елизавета Николаевна! Посмотрите, у них тут русалочка плавает! Только почему-то спиной кверху...

Ох уж этот непосредственный ребенок с седой челкой! Она уже обо всем забыла и восторгалась какой-то там пластиковой русалкой.

Графиня, с успокоенным лицом, не торопясь пошла к пруду. Вдоль ведущей на мостик дорожки стояли серые пластиковые цапли и огромные зеленые, тоже искусственные, лягушки. Апраксина взошла на мостик и стала рядом с Птичкой.

– Ну, и где же твоя русалка? – спросила она, обнимая одной рукой Марго за талию, другой держась за перила и наклоняясь над прудом.

– Вон там, в глубине бассейна, под мостиком...

– В глубине пруда, – машинально поправила ее Апраксина. – Это не бассейн, а искусственный пруд. У тебя портится русский язык, Марго!

– Я пишу по-немецки!.. Сейчас солнце зашло за облако и ее не видно. Обождите минутку, солнышко выйдет, и она...

Облако было небольшим, солнце показалось уже через минуту.

– Вот теперь я ее уже вижу! – радостно воскликнула Марго. – Надо только взглядеться, потому что эти цветы...

– Ирисы.

– Ну да, ирисы! Они отражаются в воде и мешают ее разглядеть.

Апраксина еще чуть-чуть свесилась, отпустила Марго, прикрыла глаза рукой и действительно увидела в полутени под мостиком колышущиеся в воде пряди длинных желтых волос, край зеленовато-белой щеки и даже краешек голубого глаза, обрамленного длинными мокрыми черными ресницами. Большая часть туловища русалки была скрыта в темноте у края моста, там, где он нависал совсем низко над водой.

– Знаешь что, Птичка! – сказала Апраксина, резко выпрямившись. – Иди-ка ты в кафе, займи столик и выбери нам всем мороженое. Я подожду здесь Альбину, а потом мы подойдем к тебе.

– Хорошо, – охотно согласилась Марго. – Но вы недолго, а то я все мороженое без вас съем! – И она, стуча каблучками, легко сбежала по мостику и поспешила в сторону кафе,

деревянного круглого здания с соломенной крышей.

– Постой-ка, Марго! Если по дороге ты встретишь служащих магазина, то пришли их, пожалуйста, сюда: надо же сказать им, что у них тут непорядок.

– Вы хотите, чтобы они перевернули русалочку и вытащили ее на середину пруда? Это будет уже не так романтично!

– Порядок превыше всего...

– Ладно, я скажу, если кого-нибудь увижу!

Оглянувшись вслед упорхнувшей Птичке, Апраксина перекрестилась.

Через четверть часа в цветущем царстве «Парадиза» начался тихий переполох, забегали служители, потом одна за другой прибыли машины «Скорой помощи» и полиции.

Скоро совершенно ошеломленная Марго уже давала показания полицейскому инспектору – ведь это она первая увидела в пруду «русалку»! Теперь даже Птичка уразумела, что это была никакая не русалка, а живая девушка, то есть как раз не живая, а утопленница. Однако свое мороженое она успела съесть до прихода полиции, и подруги, вопреки всем ее ожиданиям, никакими разговорами о ее романе в этот день Марго не мучили.

Глава 3

Апраксина была уверена, что «дело о русалке в бассейне», как между собой окрестили его подруги, кончилось для них дачей показаний полицейским. Но в понедельник к ней домой явился ее старый приятель и коллега по расследованию преступлений, связанных с русской эмиграцией, инспектор криминальной полиции Рудольф Миллер.

– Дело это передали, как и следовало ожидать, в мюнхенскую криминальную полицию, – рассказывал он, сидя на террасе дома Апраксиной и попивая травяной чай ее собственного сбора. – В Блаукирхене и его окрестностях никаких молодых женщин в последнее время не пропадало. В мюнхенскую полицию, впрочем, тоже ни о каких пропавших красотках в эти дни сообщений не поступало. Придется нам самим выяснять личность убитой.

– Убитой? Да, это, видимо, так и есть: в такой лужице самому отчаявшемуся и даже вдрызг пьяному самоубийце утонуть не удалось бы. Ее что, силой держали под водой, пока она не захлебнулась? Есть следы на теле?

– Да, есть. Ее сначала задушили, а уже потом бросили в пруд: воды в ее легких не обнаружено. Потом убийца затолкал ее под мост. Если бы госпожа Марго Перес не стояла на мостике, пристально глядя в воду, она бы тоже не заметила «русалку», как не заметили ее сотни других посетителей

«Парадиза».

– Как долго она пробыла в воде?

– Совсем недолго, не больше полутора часов. Убийце не повезло. Еще через час «Парадиз» закрылся бы на выходные, и кроме дежурных садовников, основная работа которых в воскресенье и понедельник состоит в поливе растений из садовых шлангов, до вторника в саду никого не бывает. Дни стоят жаркие, пруд мелкий, так что нетрудно представить себе, во что превратился бы труп бедной девушки, если бы его обнаружили только во вторник. Что, кстати, совсем не обязательно. Наблюдательный человек ваша маленькая приятельница!

– О да, она очень наблюдательна! Хотя сама порой не дает себе в этом отчета.

– Как это понять?

– Марго в тот день была очень занята своими личными проблемами, и, если бы она подсознательно не чувствовала, что с этой «русалкой» что-то не так, она не стала бы так пристально вглядываться в воду. – Апраксина не добавила, что, скорее всего, Марго, мельком взглянув на «русалку», побежала бы к выходу и скрылась от подруг – у нее определенно на уме было что-то в этом роде! – однако инспектору вовсе ни к чему знать их маленькие проблемы.

– Но если у нее возникли какие-то подозрения насчет «русалки», почему она вам об этом сразу не сказала?

– Ну, Марго Перес, знаете ли, человек особого склада.

Не только потому, что она писательница и, следовательно, у нее с действительностью особые отношения. Марго пишет женские романы и учит женщин сражаться с жизнью, но сама-то она панически боится жизни, и вся ее судьба, полная неразберихи и всяческих ненужных приключений, это одна нескончаемая и безуспешная попытка спрятаться от действительности в какую-нибудь ею же придуманную сказку. Когда у нее под самым носом происходит что-нибудь опасное, когда ей всерьез что-то угрожает – она не защищается, а становится невменяемой и упорно не желает замечать ничего угрожающего или опасного.

– Как страус?

– Вот-вот. Наша Марго похожа на всех птиц сразу, и на страуса – тоже. Я велела ей идти есть мороженое – она послушно пошла и стала есть. Хотя ее, возможно, в тот момент бил озноб и безо всякого мороженого.

– А вас она оставила одну на мостике – разбираться с непонятным и подозрительным явлением?

– Вот именно. Если кто-то берет настоящую или воображаемую тревогу на себя – Марго немедленно улепетывает в сторонку, предоставляя другим разбираться с темными сторонами жизни. Между прочим, до того, как к ней подошли мы с полицейским, она успела уплести полкило орехового мороженого! Но заметьте, что по дороге в кафе она все-таки нашла служителя и отправила его к пруду! В этом вся наша Птичка: рассеянная и наблюдательная, трусливая и ре-

шительная одновременно.

– Да, служитель сказал полиции: «По голосу этой маленькой дамы я понял, что возле пруда случилось что-то весьма серьезное, и потому немедленно пошел туда».

– Вот видите! Если бы она и впрямь думала и говорила о перевернувшейся пластиковой русалочке, ее голос не звучал бы так настойчиво и тревожно.

– А мороженое все-таки она съела?

– До последней ложечки! Но это у нее нервное – поиск немедленного и доступного утешения.

– Да, интересно... Дорогая графиня, надеюсь, раз уж сама судьба привела вас к пруду с «русалкой», вы не откажетесь помочь полиции в этом деле?

– Только потому, что я одной из первых видела эту самую «русалку в бассейне»? – Апраксина допила свой чай, поставила чашку и с укоризненной улыбкой посмотрела на инспектора: она уже вышла на пенсию и криминалистикой больше не интересовалась. Вернее, решила больше не интересоваться... – Ах, Рудольф, Рудольф! Когда вы привыкнете к тому, что от меня бесполезно что-либо утаивать? Выкладывайте, почему вы считаете, что это очередное «русское дело» и отчего это я непременно должна в него влезть?

Инспектор засмеялся, слегка поперхнулся чаем и тоже поставил свою чашку на стол. Кряхтя, он приподнял свое большое тело с маленького диванчика, перегнулся и поднял стоявший рядом толстый портфель. Порывшись в нем, он до-

стал тонкую пластиковую папку с газетной вырезкой внутри.

– Вот. Взгляните, пожалуйста, графиня.

Апраксина рассмотрела вырезку, не вынимая ее из прозрачной папки.

– Да, – сказала она, – это русский текст. К сожалению, только три слова прочитываются совершенно ясно: «опытная», «больной» и «оплата». Но у меня нет сомнений, что перед нами газетное объявление. Шрифт похож на «Русскую мысль»: это русская газета, выходящая в Париже.

– В Париже? Вы уверены, что это не немецкая русская газета?

– Таковых пока не имеется, у здешних «новых русских» еще руки не дошли. А эту же газету выписывают, покупают и читают по всей Европе и за океаном, она такая одна на всю русскую эмиграцию; часть тиража теперь даже в Советский Союз попадает. Ну-с, пройдемте в мой кабинет – я попытаюсь разглядеть остальной текст с помощью лупы.

Они покинули террасу, прошли через гостиную и расположились в просторном кабинете Апраксиной, занимавшем половину первого этажа ее дома. Инспектор привычно достал с полки со справочной литературой большую хрустальную пепельницу, уселся в кожаное кресло, поставил пепельницу на подлокотник, закурил и приготовился терпеливо ждать.

Апраксина достала из футляра лупу, расстелила перед собой кусочек плотного сукна, пинцетом извлекла газетную

вырезку из пакета, разложила ее на сукне, расправила ее и закрепила портновскими булавками. Затем она набрала на компьютере отчетливо видные слова и буквы объявления, заполняя точками места стершихся знаков. Получилось у нее следующее:

.....я опытная си.....
.....и больной со.....
.....д. комн. в з.....
.....Г. Оплата по.....

Затем она взяла лупу и углубилась в изучение текста, сразу же внося разобранные знаки на компьютер. Через полчаса текст на экране монитора имел уже следующий вид:

.....уется опытная сидел.....
.....елой больной со зн.....
.....я отд. комн. в загор.....
.....м, ФРГ. Оплата по с.....

Все остальные знаки стерлись. Инспектор объяснил, почему это случилось:

– Бумажка лежала в заднем кармане брюк несчастной девушки и была, видимо, случайно выстирана вместе с ними в стиральной машине. Но бумажка с объявлением была сложена втрое, текстом внутрь – это и спасло середину текста. На оборотной стороне текст полностью стерт.

– Понятно, – кивнула Апраксина. Она продолжила восстановление текста уже просто по смыслу, и у нее получилось следующее:

...срочно требуется опытная сиделка.....
...к престарелой больной со знанием.....
предоставляется отд. комн. в загородном
домем, ФРГ.

Оплата по соглашению

Она перевела получившийся текст инспектору.

– Bravo! – воскликнул тот.

– Погодите. Это не стопроцентно достоверно, у меня есть сомнения. При составлении подобных объявлений делают совершенно немыслимые в других текстах сокращения.

Она подумала еще и кое-что изменила в тексте. Теперь первая и вторая строчка выглядели так:

Срочно требуется опытная сиделка
по уходу за престарелой больной
со знанием.....

– Здесь мог быть указан любой язык: румынский, мальгашский, но, скорее всего, конечно, немецкий или русский или даже оба.

Инспектор следил за нею, напряженно хмурия лоб.

– Графиня! – взмолился он. – Неужели вы всерьез думаете, что моих убогих случайных познаний в русском языке хватает, чтобы следить за цепью ваших рассуждений?

– А от вас никто этого и не ждет, инспектор. Вы присутствуете, ждете от меня чудес, как всегда, и этого вполне достаточно, чтобы стимулировать мою мысль. Вы ведь верите в то, что мы найдем убийцу?

– Конечно, без всяких сомнений!

– Вот и отлично. Пока это все, что требуется от вас на данном этапе. Теперь я должна буду отправиться в русскую библиотеку и просмотреть все номера «Русской мысли» за... Понятия не имею, за какое время! На нашей «русалочке» были светлые летние брюки, как помнится?

– Да, узкие спортивные брюки из плотной холстины.

– Она могла носить их постоянно, могла надеть их в первый раз в этом году, и тогда это прошлогоднее объявление, но могла не носить их вообще год или два, и тогда моя задача усложняется. Современная одежда – это нечто непредсказуемое! Начнем с того, что у всех ее просто слишком много: я знаю дам, которые понятия не имеют, что именно хранится у них в шкафах с одеждой!

– С моей женой точно такая же история, – кивнул инспектор.

– Ну вот видите!.. И даже молодежь не так уж слепо следует сезонным и годовым изменениям моды. Кстати, а сколько лет было этой девушке, что на этот счет говорит экспертиза?

– Лет двадцать пять – двадцать восемь.

– Если она недавняя эмигрантка из Советского Союза, можете смело сбросить лет пять.

– Почему?

– Эти девушки, как правило, быстрее взрослеют. Ей может быть всего лет двадцать с небольшим, а по виду и состоянию организма она будет похожа на западную женщину

под тридцать. Это объясняется как неправильным питанием и хронической нехваткой витаминов, так и психологическими перегрузками, которым они почти все подвержены.

– Понимаю. Ну что ж, графиня, к сожалению, это все, что у нас пока есть, и потому разрешите мне откланяться. Желаю вам успеха с просмотром газет и жду вашего звонка.

– Да, я сразу же позвоню, если найду это объявление, а там мы с вами решим, что делать дальше. Не торопитесь! Мы выйдем вместе. Можете подождать меня здесь или внизу в гостиной, я должна переодеться.

Инспектор спустился вниз, а графиня поднялась наверх, где под крышей дома была ее спальня. Там стоял огромный платяной шкаф, Апраксина подошла к нему, распахнула дверцы и задумалась.

– Совершенно не представляю, что мне сегодня надеть? Надо бы навести тут порядок и куда-то пристроить лишнюю одежду, – сказала она себе вслух, задумчиво глядя на плотно притиснутые друг к другу ряды вешалок с одеждой. Сбросив с себя голубой спортивный костюм, в котором она запросто принимала инспектора, Апраксина принялась рассеянно трогать вешалки указательным пальцем.

– Это? А может быть, это? А что это за серенький костюмчик? Ну совершенно не представляю, откуда он у меня! По моему, он довольно мил. Вот его-то я и надену.

Глава 4

У каждого детектива свои методы, и чем их больше в его арсенале, тем лучше, считала Апраксина. Один из ее приемов носил кодовое название «По секрету всему свету» и означал, что она рассказывает об очередном своем деле как можно большему числу своих знакомых, а то и незнакомых. Ее совсем не беспокоило, что таким образом и преступник может быть извещен о том, что им интересуется «сама графиня Апраксина». Она полагала, что это вовсе неплохо для дела, если преступник будет встревожен и деморализован: он может впасть в панику и, стараясь спрятать улики, вдруг обнаружит себя самым неожиданным образом. Она прибегала к этому методу особенно в тех случаях, когда у нее не было никаких улик; вот и в деле о «русалке в бассейне» она решила поступить именно таким образом.

Придя в русскую библиотеку Толстовского фонда, графиня тут же рассказала обоим библиотекарям, что именно она намерена искать в «Русской мысли». Танечка, уже довольно давно работавшая в библиотеке, понимающе кивнула головой и пошла за подшивками газет. Зато второй библиотекарь Виктория, недавно приехавшая с Украины (ИЗ Украины, как она говорила, – совершенно непереносимый на слух Апраксиной демократический «новояз», уже подхваченный радио Свобода и новоэмигрантской прессой), слушала Апраксину

с огромным интересом. Увидев ее широко распахнутые черные глаза и слегка приоткрытый рот, Апраксина уселась поудобнее и стала рассказывать подробнее.

– Неужели бедную утопленницу обнаружила САМА Марго Перес? – спросила потрясенная слушательница. Конечно, новенькая библиотечарша уже познакомилась с Птичкими творениями, благо стараниями автора они занимали в библиотеке целых три полки. Читатели библиотеки с удовольствием брали читать ее книги, хотя выходили они по-немецки; ведь это же была своя, мюнхенская писательница, да еще и до сих пор живая! – ну, значит, и немецким ее книгам было самое место в русской библиотеке.

– Представьте себе! И именно она первая сообщила об этом сотрудникам «Парадиза», ну а уже те, естественно, пригласили полицию.

Поскольку народу в залах было немного, Татьяна вызвалась помогать Апраксиной, оставив напарницу разбираться с читателями. Графиня дала Тане копию объявления, и они обе склонились над подшивками. А тем временем Виктория, исполняя невысказанное поручение Апраксиной, щедро сеяла информацию среди читателей: вручая им выбранные книги, она в качестве приложения выдавала каждому свежую новость: в пруду под Мюнхеном утоплена русская девушка.

– Оказывается, и на Западе жить совсем не так уж безопасно! – скорбно заметила эмигрантка из новых.

– Как испортилась российская эмиграция! – вздохнул ста-

ричок-эмигрант. – Когда-то у нас, русских, был самый низкий процент преступности из всех перемещенных лиц.

– А теперь одни бандиты едут! – вздохнула полная смуглая дама. – Стреляют и топят кого хотят, от них и в Израиле не было спасения. Что вы хотите, – русская мафия!

Чихая от пыли, Апраксина и Татьяна внимательно проглядывали все объявления на последних страницах «Русской мысли». Час проходил за часом, гора просмотренных подшивков поднялась уже выше метра, когда Татьяне повезло.

– Вот оно, это объявление, Елизавета Николаевна! Вика, мы нашли его!

– Да неужели? – Виктория оставила работу и разговоры, бросилась в читальный зал и взволнованно склонилась вместе с Апраксиной над развернутой Таней газетой.

«Требуется опытная сиделка по уходу за престарелой больной со зн. рус. яз. Предоставляется отд. комн. в загор. доме под Мюнхеном, ФРГ. Оплата по соглаш.»

Газета была двухлетней давности. Апраксина списала объявление, спрятала листок в сумочку и пошла мыть руки в туалет.

– Прямо не знаю, как и благодарить вас, дорогие мои! – сказала она, вернувшись, обоим библиотekarшам. Она и вправду была благодарна Татьяне за помощь, но еще большие надежды возлагала она на общительную Вику. – Давай-те я схожу в кафе и принесу пирожных!

– Не надо нам пирожных, мы хуеем! – заявила Татьяна. – Вы лучше пообещайте нам, что вы, когда найдете убийцу, придете в библиотеку и все-все нам расскажете!

– Обязательно! Но и вы тоже, если вдруг услышите что-нибудь интересное от читателей или знакомых, звоните мне сразу же. Вдруг кто-нибудь что-нибудь расскажет о пропавшей девушке. Обещаете?

– Обещаем! – с воодушевлением сказали обе библиотекарши.

Апраксина отправилась домой и оттуда сразу же позвонила в Париж, в газету «Русская мысль» и спросила, не могут ли ей дать справку об одном объявлении двухгодичной давности. Секретарша тут же заявила, что найти квитанцию на объявление такой давности практически невозможно и вообще они таких справок не дают. Тогда графиня запоздало представилась, и тон секретарши мгновенно изменился, она пообещала «попробовать поискать» и даже записала текст объявления. Апраксина эту перемену в отношении взяла на заметку, но обещанию секретарши почему-то не очень поверила и попросила пригласить к телефону Александра Гинзбурга, своего старого приятеля. Нехотя секретарша ее переклонила.

– Алик, здравствуйте, мой дорогой! У меня к вам огромная просьба. Я в Мюнхене ищу убийцу, прикончившего русскую девушку. По ходу дела мне бы надо выяснить, кто и от-

куда давал два года назад одно объявление в вашу газету...

– Да нет проблем, Елизавета Николаевна! Телки наши не найдут – сам разыщу! Давайте текст.

– Записывайте! – И она снова продиктовала объявление, текст которого уже знала наизусть.

– Записано.

– А чего это голос у тебя какой-то... нездоровый!

– А я и сам нездоровый, Елизавета Николаевна.

– Что с тобой, Алик?

– Легкие...

– Простыл и запустил?

– Вроде того. Ну, ждите обратного звонка!

Через полчаса позвонила секретарша и подчеркнуто вежливым голосом сказала:

– Объявление, которым вы интересовались, госпожа Апраксина, опубликовала госпожа Кето Махарадзе из Германии. Дать вам ее адрес?

– Да, пожалуйста.

– Кето Махарадзе, Блюменштрассе 29, Блаукирхен, ФРГ. Еще должна вам сказать, я очень извиняюсь...

Но Апраксина извинений слушать не стала, коротко поблагодарила и опустила трубку. Тут же она набрала номер криминальной полиции.

– Говорит Элизабет Апраксин. Соедините меня с инспектором Рудольфом Миллером.

– Один момент, графиня! – ответил дежурный.

– Инспектор Миллер у аппарата.

– Дорогой инспектор, у меня две новости!

– Так скоро и так много! – обрадовался Миллер.

– Представьте! Новость первая – теперь у нас есть на руках полный текст объявления, и новость вторая – у нас имеется имя и адрес хозяина объявления.

– Прекрасно! Диктуйте, и я завтра же с утра займусь этим человеком.

– Нет, дорогой инспектор, не завтра, а сегодня, сейчас и немедленно! Слухи о том, что полиция вышла на след, уже идут по Мюнхену и окрестностям, и мы должны спешить.

– Бог мой! Да кто же их распускает, эти слухи? Мы ничего не давали в газеты.

– Слухи распускаю я, с помощью моих знакомых. – Инспектор только присвистнул в ответ. – А хозяйка объявления живет в Блаукирхене, неподалеку от имения моих лучших друзей, и я не исключаю, что они знакомы; это может быть очень хорошо, а может – и наоборот, поэтому давайте на всякий случай поспешим. Когда вы заедете за мной?

– Через двадцать минут, максимум через полчаса. Будьте готовы и ждите меня у ваших ворот на улице. Вы правы, в Блаукирхен надо ехать немедленно, и поэтому мы поедem на полицейской машине, чтобы не застрять на автобане.

Уже через четверть часа полицейская машина с Миллером за рулем, меланхолически подвывая, зарулила на тихую Будапештскую улицу. Инспектор лихо затормозил, выскочил

из машины и галантно распахнул перед Апраксиной дверцу со стороны пассажирского сиденья.

– Вы мальчишка, инспектор! Вашими кино-детективными эффектами вы нервируете моих бедных соседей! – сказала она, посмеиваясь и пристегивая ремень безопасности.

– Это чтобы не терять время, – пояснил инспектор. Он тут же тронул с места и опять включил звуковой сигнал.

– А эту русскую графиню опять арестовала полиция! – сказала мужу, дремавшему на веранде за чтением газеты, работавшая в саду соседка: они недавно купили дом на Будапештской и еще не успели привыкнуть к экстравагантному соседству.

– Ее все равно отпустят. Это же русская мафия! – пробурчал муж.

Распугивая на своем пути автомобили и автобусы, прижимая их к тротуару, полицейская машина промчалась по Балланштрассе, затем свернула на Химгауштрассе и выскочила на автобан № 8 Мюнхен – Зальцбург; час пик еще только приближался, машин на автобане было немного.

– Рудольф, да выключите же наконец эту вашу визжалку, ведь на дороге почти пусто! – взмолилась Апраксина.

Инспектор послушался, отключил сигнализацию, но скорости не сбавил.

– Как мы будем вести себя в доме княгини Кето Махарадзе, если, конечно, застанем ее по этому адресу? – спросила Апраксина минут через пять.

– Как обычно! Я буду вести допрос, а вы – выступать в качестве переводчицы, если потребуется перевод. Если же госпожа Махарадзе свободно владеет немецким, я представлю вас в качестве сотрудницы полиции.

– Понятно. Дайте мне карту, инспектор, я пока отыщу Блюменштрассе.

Инспектор не глядя нашарил в отделении для перчаток альбом с картами Мюнхена и окрестностей и протянул его Апраксиной. Открыв страницу с подробной картой Блаукирхена, графиня легко отыскала Блюменштрассе.

По почти пустому автобану до городка они домчались минут за двадцать.

– Направо. У второго светофора – налево. Четвертая улица справа, – подсказывала Апраксина, следя за дорогой по карте.

– Может быть – включить? – спросил инспектор, протягивая руку к кнопке.

– Ни в коем случае! Я думаю, нам и машину лучше оставить у перекрестка – зачем тревожить людей заранее?

Вся Блюменштрассе была застроена отдельными домами, скорее даже виллами, причем новых строений тут почти не было, а все больше старинные особнячки причудливой архитектуры, окруженные ухоженными садиками. Местность, на которой располагался городок Блаукирхен, была холмистой, и Блюменштрассе начиналась как раз у подножья холма: дом номер 29 оказался на середине склона. Забор вокруг

участка был довольно высок, а сам дом прятался в глубине сада, его почти не было видно, только проглядывала сквозь зеленые кроны красная черепичная крыша. К узорным чугунным воротам с улицы вел крутой въезд, а рядом – каменная лестница к калитке. Инспектор с Апраксиной поднялись по ступеням и прочли на латунной табличке: «ПРОФЕССОР ВАХТАНГ МАХАРАДЗЕ».

– Интересно, профессор – чего? – спросила Апраксина, не ожидая, впрочем, ответа от Миллера. Тот нажал кнопку звонка: щелкнул замок, и калитка чуть-чуть отошла от каменного столбика.

– Прошу! – сказал Миллер, распахивая калитку и пропуская вперед Апраксину.

В глубь сада к дому вела аккуратная дорожка, выложенная желтым кирпичом наподобие старинного паркета – «елочкой». Вправо и влево от нее отходили такие же кирпичные дорожки, только более узкие. Апраксина по пути внимательно оглядывала растения по бокам дорожки и в глубине сада.

– Здесь живут состоятельные люди, – негромко сказала она инспектору.

– Естественно: такой дом и обширный участок!

– Да нет, дело даже не в доме, хотя он действительно большой и красивый. Но вот сад! Его можно демонстрировать как образец садово-парковой архитектуры. Я сужу по подбору растений, по уходу за ними, по состоянию газонов.

– У вас тоже очень красивый и ухоженный сад, графиня, –

галантно заметил инспектор.

– Ну что вы! Здесь поместится двадцать моих садиков, а такие розы, как вон там, в розарии с перголами, мне просто не по карману! Для поддержания в порядке такого сада требуется как минимум работа двух-трех садовников, причем хотя бы один из них должен обладать высокой квалификацией и работать каждый день.

– Любопытное наблюдение, – довольно равнодушно заметил Миллер.

– Очень! – согласилась с ним Апраксина. – Немногие люди могут содержать даже одного постоянного садовника.

– Скажите, графиня, должен ли я вас сразу представить как русскую графиню?

– Ни в коем случае! Возможно, не зная об этом, хозяева начнут между собой переговариваться по-русски или по-грузински. Махарадзе – грузинская фамилия.

– А вы и грузинский знаете?

– Я знаю много такого, что и сама не упомяну, – уклончиво ответила Апраксина, но Миллер ее ответ принял как положительный и уважительно кивнул. – Но нас уже встречают! – предупредила его Апраксина.

В дверях дома стояла молодая девушка в синем платье, белом передничке и белой же кружевной наколке на темных кудрявых волосах.

– Горничная, – почтительно заметил Миллер. Впрочем, почтение относилось не к горничной. Ей он сказал довольно

строго: – Мы из криминальной полиции Мюнхена. Могу я видеть господина Вахтанга Махарадзе?

– Вахтанга Махарадзе? Но он же... Пройдите и обождите в гостиной, я спрошу княгиню.

Через просторную прихожую с двумя большими зеркалами она провела их в гостиную, темную из-за дубовой обшивки стен и потолка, указала на кресла в проеме окон и попросила обождать, а затем простучала каблучками в глубь дома.

– Она спросит княгиню! – уважительно повторил Миллер, глядя вслед горничной. Апраксина слегка улыбнулась, зная его благоговение перед всякими титулами: никто с таким удовольствием не именовал ее «графиней» через каждые три слова. Особенно при посторонних.

Через минуту-другую горничная вернулась и объявила, что княгиня примет их и сама все объяснит. Что именно должна объяснить княгиня, оставалось пока непонятным.

В ожидании хозяйки Апраксина обратила внимание на паркетный пол в гостиной: он был натерт воском, а не покрыт легко моющимся лаком. Старинная мебель была также в прекрасном состоянии и явно тоже регулярно натиралась воском и полировалась. Через высокое окно была видна все та же парадная часть сада, через которую они только что прошли.

Раздалось легкое поскрипывание, и в гостиную въехала инвалидная коляска, а в ней Апраксина и Миллер увидели редкой красоты старую женщину: у нее были белоснежные

волосы, уложенные в пышную прическу, высокие и тонкие темные брови и под ними такие большие черные глаза, которых хватило бы на двух итальянских красавиц, – блестящие, нежные и в длинейших ресницах.

– Здравствуйте, господа. Не вставайте, не вставайте! – Она помахала Миллеру сухой смуглой рукой, униженной перстнями. – Скажу вам сразу, что если вас интересует доктор Вахтанг Махарадзе, то вы решительно опоздали: профессор скончался семь лет тому назад. И, признаться, я удивлена: полиции должен был бы быть известен этот факт, ведь мой муж был не последним человеком в этом городе.

– Видите ли, княгиня, мы не из местной полиции. Мы из криминального отдела мюнхенской полиции. И дело у нас в таком случае к вам, а не к вашему мужу, профессору Махарадзе.

– Я слушаю вас.

– Известно ли вам о преступлении, случившемся в вашем городке в прошлую субботу? Об этом наверняка писали в местных газетах.

– Понятия не имею, о чем вообще пишут в местных газетах. У меня, слава богу, сохранилась моя библиотека и мне есть что читать, кроме газет.

– В таком случае я расскажу вам об этом, княгиня.

– Большое вам спасибо, но я не уверена, что вам стоит трудиться: если даже в городе совершено какое-то преступление, то я навряд ли могу иметь к этому отношение, так по-

чему это должно меня волновать? Я уже много лет практически не покидаю свой дом и веду весьма замкнутый образ жизни.

– Ваше имя Кето Махарадзе?

– Да.

– Выходит, что это преступление имеет к вам некоторое отношение. Возможно, совершенно незначительное, косвенное, но выяснить эту связь мы просто обязаны по долгу службы.

– Присутствующая здесь дама – ваша коллега?

– Да. Переводчица. Но я вижу, она нам не понадобится – вы говорите на прекрасном немецком языке.

– Благодарю за комплимент. Так я слушаю вас, господин инспектор!

Миллер поднял с полу портфель, уложил его на колени и начал:

– В прошлую субботу в садовом магазине «Парадиз» был обнаружен в пруду труп молодой женщины. Ее утопили. Взгляните, пожалуйста, на эту фотографию! – Миллер вынул из портфеля и протянул фотографию хозяйке. Та подъехала к нему чуть ближе и с явной неохотой ее взяла, посмотрела, покачала головой и вернула обратно.

– Как жаль, такая молоденькая! Но я этой девушки никогда не видела.

– Понятно. Тогда следующий вопрос. Вы когда-нибудь давали объявление в газету «Русская мысль»?

– Я? Какое объявление? – И без того высокие, выщипанные снизу, брови хозяйки поднялись еще выше.

– Вот это. – Миллер протянул ей полную копию текста объявления.

Княгиня внимательно и неспешно прочитала текст и задумалась, склонив свою красивую благородную голову.

– Да, если мне не изменяет память, именно такой текст я послала в «Русскую мысль» года два тому назад.

– Совершенно верно, оно была напечатано именно два года тому назад. Вы не помните, кто-нибудь на него тогда откликнулся?

– О, довольно много женщин из разных стран! Я выбрала одну, и она до сих пор работает у нас в доме, ухаживает за моей свекровью.

– За вашей свекровью? – удивился Миллер.

– А что в этом странного? Мы, грузины, известные долгожители, у нас редко кто до ста лет не доживает. Но, к сожалению, свекровь моя очень хворает, больше даже, чем я: я не выхожу за пределы нашего сада, а она и вовсе никогда не спускается из своих комнат наверху. Впрочем, мы можем подняться к ней, если вы хотите с ней познакомиться... По долгу службы, я имею в виду.

– Да нет, знакомство со свекровью можно пока отложить. А вот с сиделкой, которая за нею ухаживает, я бы поговорил.

– К сожалению, вот это как раз невозможно: она в отпуске. Ее временно замещает сиделка из местной больницы.

– Понятно. В таком случае я хотел бы узнать ее имя.

– Постоянной сиделки или больничной?

– Постоянной. Той, что явилась к вам по объявлению.

– Ее зовут Авива Коган по паспорту, но представилась она как Анна, так мы ее и зовем.

– А где она проводит свой отпуск?

– У себя на исторической родине, в Израиле.

– И когда она вернется на работу?

– Я жду ее первого июля. Если ничего не случится непредвиденного.

– А что может с нею случиться?

– Не только с нею, с любой молодой девушкой, когда она надолго покидает место службы. Она может, например, выйти замуж, найти более подходящую работу или пойти учиться в университет. Мало ли что им взбредет на ум, этим молодым!

– А у вас есть ее адрес в Израиле?

– Конечно, нет. Зачем он мне? Я не веду дружеской переписки с моей прислугой.

– Так у вас еще кто-то работает?

– Простите, но вас, кажется, интересовало мое объявление о найме сиделки? Про сиделку я вам все рассказала. Можете поговорить о ней с моей горничной, вы ее видели. – Она взяла с круглого столика серебряный колокольчик с фарфоровой ручкой и позвонила.

Вошла горничная.

– Вот это, господа, моя горничная Лия Хенкина. Лия, вот эти господа из полиции хотят с тобой поговорить. Правда, я не успела их предупредить, что ты работаешь у меня недолго и еще проходишь испытательный срок, а потому мало что знаешь о нашем доме. Но их главным образом интересует Анна.

– Анна? Но она же в Израиле!

– А вы не знаете адреса, по которому ее можно там найти? Девушка почему-то замешкалась.

– Ты же знаешь адрес ее родных, Лия! – напомнила княгиня.

– Конечно, знаю, ведь мы двоюродные сестры.

– Так что же ты стоишь как истукан? Пойди в свою комнату, найди адрес и принеси сюда.

Горничная слегка пожала плечами и ответила:

– Да мне не надо искать, я его и так помню. Пожалуйста: Нахумнир 29, Бат-Ям, Израиль. Только...

– Что еще? – строго спросила княгиня.

– Да нет, ничего. Просто Анна может быть и где-нибудь еще, у друзей, например.

Но и Миллеру, и Апраксиной показалось, что горничная чего-то не договаривает. Миллер адрес записал и спросил:

– Скажите, а у вас случайно нет фотографии вашей двоюродной сестры?

– Да сколько угодно! Но это такие фотографии, где мы сняты вместе.

– Можно нам на них взглянуть?

– Да, я сейчас принесу мой альбом.

Девушка вышла из комнаты. Хозяйка молча сидела в кресле, утомленно прикрыв свои прекрасные глаза.

Лия вернулась с альбомом и, полистав его, показала Миллеру и Апраксиной несколько фотографий, на которых она была снята рядом с высокой черноволосой девушкой, очень похожей на Лию и не имевшей ни малейшего сходства с «русалкой из бассейна».

Инспектор вежливо поблагодарил девушку и хозяйку дома и встал с места.

– Похоже, что мы напрасно вас потревожили, – сказал он чуть виновато. Апраксина, не произнесшая за всю беседу ни единого слова, согласно кивнула. Кивком она и попрощалась, когда инспектор вежливо раскланялся и простился с хозяйкой и горничной.

Они вышли из дома.

Проходя по саду, Апраксина вдруг замедлила шаг и негромко сказала Миллеру:

– Инспектор! Попробуйте совсем незаметно взглянуть направо: видите там молодого человека возле большого розового куста? Это садовник!

– Вижу. И что?

– Пока ничего. Остальное я вам скажу в машине.

Когда они спустились по каменной лестнице, сели в ав-

томобиль и направились через город к выезду на автобан, Апраксина спросила:

– Дорогой инспектор, у вас у самого когда-нибудь были слуги?

– Слуги?! – удивился инспектор. – Конечно, нет! Впрочем, как сказать... К нам раз в неделю приходит женщина помогать моей жене с уборкой по дому, а когда дети были маленькими, мы иногда нанимали бэбиситтера, чтобы сходить в кино или в гости. Но это вряд ли можно назвать наличием слуг...

– А многие из ваших знакомых имеют возможность держать постоянных слуг в доме? Ну, хотя бы домработницу или няню?

– Практически никто. Все, знаете, как-то устраиваются... Хотя вот у младшего инспектора Зингера есть няня: его жена-учительница так любит свою работу, что отдает половину зарплаты няне, лишь бы сохранить место в школе.

– Вот видите – половину зарплаты учительницы! А моя подруга баронесса...

– Альбина фон Ляйбниц, – вставил инспектор.

– Да, она. Так вот баронесса не может себе позволить чаще двух раз в году приглашать садовника на пару недель. Хотя сад у нее куда больше, чем садик княгини Махарадзе. А мы с вами видели у княгини горничную, садовника и слышали о сиделке. Возможно, что есть еще и шофер: на столике в прихожей я видела пришедший по почте проспект автомобиль-

ной страховой компании «Гаранта»: они присылают подобные проспекты вместе со счетами за страховку автомобиля. Но я не думаю, что княгиня сама водит машину. Вы, кстати, заметили, какие у нее руки?

– Очень красивые руки. А перстни какие!

– Да, руки красивые, с длинными, утонченными на концах пальцами и очень холеные. Но одна из них почти не действует: в какой-то момент левая рука княгини упала с подлокотника, и она водрузила ее обратно правой рукой. Хотя пальцы и на левой руке подрагивали, когда княгиня начала волноваться. Интересно, а почему она волновалась, когда мы задавали вопросы горничной? Но я хотела только сказать, что шофер весьма вероятен. Хорошо бы нам выяснить в полиции Блаукирхена, сколько точно слуг прописано в доме вдовствующей княгини Махарадзе? Кроме того, хорошо бы установить наблюдение за горничной Лией. Если я правильно поняла взгляд горячих черных глаз княгини, она была чем-то в ее поведении очень недовольна, и весьма вероятно, что сегодня был последний день работы Лии Хенкиной в этом доме: может быть, сейчас она уже собирает вещи, чтобы лететь на историческую родину вслед за сестрой.

– Может быть, нам стоит вернуться и заглянуть в полицию Блаукирхена?

– Да нет, до завтра она из городка никуда не исчезнет! В приличных домах не выставляют горничных на улицу на ночь глядя.

– Так вы думаете, княгине есть что скрывать?

– Несомненно! Но вот имеет ли это отношение к нашей «русалке», этого я вам пока сказать не могу.

Глава 5

В шесть утра инспектору Миллеру позвонил сотрудник полиции Петер Зингер, наблюдавший по его поручению за домом княгини Махарадзе, и сообщил, что только что из ворот дома вышла черноволосая кудрявая девушка с дорожной сумкой на плече и чемоданом на колесиках. Она направилась к станции электрички. Инспектор велел Зингеру сняться с места и проследить за ней. Второе сообщение от него же последовало через час, уже из аэропорта: девушка ведет себя странно, билет не регистрирует, а просто сидит на скамеечке в зале ожидания в терминале «С», откуда направляются рейсы в Израиль.

– Когда первый рейс на Тель-Авив? – спросил инспектор.

– Через сорок пять минут. Все пассажиры уже давно прошли паспортный контроль, а она так и стоит возле тележки со своими вещами в терминале «С» и явно чего-то ждет.

Только тут инспектор не выдержал и позвонил Апраксиной.

– Немедленно велите увести ее оттуда под любым предлогом, пусть он пригласит ее для разговора в ресторан в терминале «В», – сказала Апраксина. – Удивительно, что ее еще не задержали израильские охранники, заподозрив в ней террористку: вот тогда уж мы до нее не скоро доберемся! Мы с вами встретимся там же, в терминале «В», возле входа в

ресторан. Выезжаем, инспектор!

Графиню инспектор Миллер догнал еще на автобане: хотя она жила на окраине, как раз неподалеку от шоссе в аэропорт, но зато он ехал на полицейском автомобиле с сиреной. Узнав его машину, идущую в коридоре в потоке машин, она немедленно пристроилась сзади и прибавила газу. Разгоняя сиреной впереди идущие машины, они мигом домчали до аэропорта «Рим».

В первом зале ресторана они сразу же увидели Лию Хенкину, взволнованную, бледную и злую, напряженно сидевшую напротив застывшего на своем стуле форменным истуканом молодого полицейского. Видно было по всему, что, не будь он в форме, девушка ни минуты не оставалась бы на месте, просто встала бы и ушла.

– Какая приятная неожиданность! – пропела Апраксина, подходя к ней. – Здравствуйте, Лия!

– Ой, это вы! И господин инспектор с вами... Вот это замечательно! Послушайте, помогите мне: вот этот тип задержал меня и приказал следовать за ним. Привел в ресторан, посадил за столик, сел напротив – и вот уже полчаса молчит, как монумент полицейской славы! И никак я не могу добиться, чего ему от меня надо?

– Но тем не менее подчинились его требованию и скандалить не стали. Похвально!

– Так он же молчит при исполнении обязанностей! – фыркнула Лия. – Поскандалишь тут в моем положении.

– А мы его сейчас отпустим, – успокоил девушку инспектор и кивнул Зингеру: – Можете идти, Петер, с этой девушкой все в порядке – мы ее знаем и видели ее документы.

Полицейский козырнул, встал и пошел к дверям. На девушку он даже не взглянул – видно, они друг другу надоели взаимно.

– Спасибо вам! – с облегчением произнесла девушка. – Он меня страшно напугал: привел сюда, усадил за стол, даже предложил кофе и – замолчал! Если бы он хоть документы потребовал или стал бы о чем-то спрашивать... Почему он меня задержал? Вы не знаете?

– Догадываюсь. Ему показалось подозрительным, что вы приехали с вещами в аэропорт, а билет не регистрируете и багаж не сдаете. Кстати, ваш самолет уже улетел, вы это знаете?

– Мой самолет? – удивилась девушка. – Но я никуда не лечу!

– А зачем же вы тогда приехали в аэропорт и сидели возле блока «С», откуда летят самолеты в Израиль?

– Но они же не только летят туда, но и прилетают оттуда! Я просто встречаю мою сестру. Ее самолет приземлится через полтора часа.

– А ваш багаж?

– Да это никакой не багаж, это просто мои вещи! Не бросать же мне их было у княгини? А сдавать в багаж – дорого.

– Так княгиня все-таки отказала вам от места? – поняла

Апраксина.

– Ну да! Проще сказать, выставила меня. Между прочим, из-за вас: ей показалось, что я наболтала вам лишнего. А что я такого особенного сказала? Я только отвечала на вопросы.

– Действительно, – согласился инспектор, – вчера вы ничего особенного не сказали. А вот теперь мы можем поговорить и более подробно.

– А что, разве полиция следит за нашей княгиней? – блестя глазами, спросила Лия.

– Да. И мы хотели с вами встретиться не в ее доме, чтобы поговорить о ней, – сказала Апраксина. – Но сначала скажите мне, вы сегодня завтракали?

– Конечно, нет! Княгиня вечером приказала, чтобы утром ноги моей в доме не было. Я собрала вещи еще с вечера, а утром встала в половине шестого и сразу же отправилась сюда.

– В таком случае позвольте угостить вас завтраком.

– Ну что вы! У меня есть деньги...

– Они вам еще пригодятся. Вы ведь не поститесь, как я понимаю?

– Нет...

Больше Лия спорить не стала, и Апраксина заказала ей стандартный завтрак из яичницы с ветчиной, свежих булочек, масла, джема, апельсинового сока и кофе со сливками. Себе она заказала двойной эспрессо, а инспектор попросил принести ему бокал темного пива.

Когда официантка принесла яичницу, Лия накинулась на нее с аппетитом молодого здорового существа. Вмиг покончив с нею, она со вздохом отодвинула тарелку и важно произнесла:

– Всякий материализм вульгарен, кроме яичницы с ветчиной на завтрак!

– О, да вы философ! – улыбнулась Апраксина.

– Угу! – кивнула Лия, уплетая теперь булочку, густо намазанную маслом и джемом и запивая ее соком. – Я почти закончила философский факультет в Тель-Авивском университете.

– Вы философ по образованию и работали горничной? Неужели для вас не нашлось работы в Израиле?

– Представьте, не нашлось! У нас каждый второй еврей философ: спрашивается, им это помогло в жизни? Я мечтала продолжить образование в Германии, но у меня нет денег.

– И вы решили заработать деньги на учебу, работая горничной у княгини?

– У нее не зарабатываешь! Княгиня платила мне сто марок в месяц.

– Сто марок?! – поразился Миллер.

– Ну да, как и всем. Не только мне она так платила: столько же получают и все остальные.

– Так, понятно. То есть понятно пока не очень много, но вопрос со слугами более-менее ясен, и мы его пока отложим. Что вам, Лия, вообще известно о княгине Махарадзе и ее

семье?

Лия перешла к кофе, и теперь рот ее был свободен. Она начала рассказывать спокойно и обстоятельно, стараясь ничего не пропустить:

– Значит так. Хозяйка дома – княгиня Кето Махарадзе, ее вы уже имели удовольствие видеть. Но существует еще старая княгиня Нина Махарадзе, ее свекровь. Ей уже около ста лет, но сколько точно, я не знаю: вот прилетит моя сестра, и мы у нее спросим. Старая княгиня из первой русской эмиграции. У нее был сын, муж княгини Кето, врач-окулист Вахтанг Махарадзе. Он умер, как вы уже слышали от княгини Кето, но табличку с его именем почему-то не снимают. Чтят его память, наверно. Муж оставил княгине Кето большое наследство, но не дом – дом всегда принадлежал его матери, княгине Нине. А княгине Кето он оставил какой-то капитал, но живет она только на проценты с него. Она страшно жадная, экономит на всех и на всем, но старается вести аристократический образ жизни: званые вечера, слуги и все такое. Я у нее проработала только три месяца, но знаю, что летом она обязательно проводит месяц на Лазурном Берегу, в Ницце, в то самое время, когда там собирается всякая знать. А зимой она обязательно проводит две-три недели в Париже.

– И ездит она повсюду, конечно, в сопровождении слуг, ведь она инвалид? – предположил Миллер.

– А вот и не угадали! К самолету или поезду ее доставляют горничная и шофер, а сопровождает княгиню в доро-

ге ее племянник Георгий. Препротивнейший тип, надо сказать! По-моему, он явно охотится за наследством княгини. Он постоянно вертится вокруг нее, приезжает к ней два-три раза в неделю и подолгу сидит с ней вдвоем. А о чем, скажите, можно часами разговаривать с выжившей из ума старухой? Впрочем, это я завралась от злости: княгиня из ума и не думала выживать, она очень даже умная и хитрая старая bestия. Вы знаете, почему она не берет с собой в поездки горничную? Да потому, что мы все невыездные!

– Как это понять – «невыездные»? – спросил Миллер.

– Да очень просто! У всех княгининых слуг нет документов на постоянное жительство в Германии: все у нее живут на правах гостей и работают «по-черному».

– И много их, этих «черных»? – спросил инспектор.

– Считайте: шофер, садовник, кухарка, горничная княгини, сиделка старой княгини.

– И все они живут в доме княгини?

– Да.

– Давно у нее работают все эти люди?

– Да нет, не особенно. Только моя сестра служит у нее несколько лет, она ухаживает за старой княгиней. А все остальные слуги постоянно меняются: как только им удастся как-нибудь зацепиться в Германии официально, так они тут же бросают работу у княгини и уходят без особых сожалений, сами понимаете.

– Еще бы – работать за сто марок в месяц! – понимающе

сказал инспектор. – И никто не возмутился и не потребовал прибавки?

– А как потребовать? Княгиня подсчитала, что жилье, питание и риск стоят как раз тех денег, что она нам не доплачивает. Да мы ведь сами на это пошли, никто не заставлял...

– А почему, интересно, вы на это пошли? – спросила Апраксина.

– Как вам сказать? У каждого свои обстоятельства...

– Какие же?

– Разные, – уклончиво сказала Лия. – Вы ведь работаете в полиции, так что можете сами всех расспросить при желании.

– И непременно это сделаем – в свое время! – пообещала Апраксина. – А теперь расскажите нам обо всех, кто сейчас работает в доме.

– Ладно, это я вам расскажу. Ну, во-первых, моя сестра Анна. Вообще-то по паспорту ее имя Авива, но она крестилась и стала Анной.

– Крестилась в Израиле?

– Нет. Там с этим были какие-то сложности, и она приехала в Германию, чтобы креститься здесь. Здесь она устроилась на работу к княгине Кето – ухаживать за княгиней Ниной. Кстати, я вас чуть не обманула: сестра моя работает не за сто марок, Анне княгиня платит целых пятьсот марок в месяц!

– Почему такое исключение?

– Она в любой момент может уйти, и княгиня это хорошо знает.

– Неужели ваша сестра остается из-за пятисот марок? Это же все равно очень мало, даже если учесть жилье и питание.

– Анна остается из-за старой княгини, бабушки Нины. Она к ней очень привязана, а та без нее просто жить не может. Однажды княгиня Кето за что-то рассердилась на Анну и пригрозила ей увольнением, так бабушка Нина, это мы так старую княгиню зовем, устроила невестке такой скандал, что той после врача вызывали. Она для этого даже спустилась вниз и явилась прямо перед княгиней Кето, а ведь обычно она никогда не спускается со своей мансарды. И Анна осталась ухаживать за бабушкой Ниной. Теперь княгиня Кето на нее цыкнуть не смеет, боится старухи.

– Чего же именно она боится?

– А кто их разберет! Может быть, боится, что старая княгиня возьмет и оставит дом не ей, а хоть тому же внучатому племяннику Георгию.

– Так, значит, ваша кухня живет в доме на особых условиях...

– Вот скоро приземлится самолет Анны, и вы сможете сами ее расспросить, если хотите.

– Да, мы так и сделаем. Поскольку ваша сестра живет в доме дольше всех, она, видимо, больше всех и знает.

– Скажите, а вы действительно думаете, что та девушка, которая утопилась в пруду «Парадиза», имеет какое-то от-

ношение к дому Махарадзе?

– Кто знает, кто знает... Если в этом проходном особняке слуги меняются так часто, то вполне возможно, что и погибшая девушка прошла через него. Она, кстати, не утопилась: ее задушили, а потом бросили в пруд.

– Какой кошмар!

– Лия, а каким образом попадают слуги в дом княгини Махарадзе?

– Анна вроде бы пришла по объявлению, а остальных я не спрашивала.

– Ну а вас, надо думать, княгине представила сестра?

– Точно. Так оно и было. Я написала ей, что хочу продолжить образование в Германии, и она ответила, что может на время пристроить меня на работу в тот же дом, где работает сама. Ну я и приехала... Ой, уже пора идти встречать Анну! Как быстро пролетело время, я и не заметила.

– Если вы не возражаете, Лия, мы пойдем с вами, – сказал инспектор. – Встретим все вместе вашу сестру, и вы нас с нею познакомите.

Инспектор расплатился за завтрак, не забыв взять у официанта специальную квитанцию, чтобы потом предъявить ее к оплате по графе «деловые контакты», и все трое направились к терминалу «С».

Анна оказалась рослой, спортивного сложения девушкой с огромной шапкой иссиня-черных кудрей. Сестры обнялись и заговорили между собой на иврите. Инспектор при этом

тревожно взглянул на Апраксину, но та сделала ему успокаивающий знак: обе девушки особого подозрения у нее не вызывали, а пугать их, требуя говорить по-немецки, не было никакого резона – они же были не на допросе в полиции! Обменявшись несколькими короткими фразами, девушки повернулись к Апраксиной и Миллеру, и Лия представила их сестре. Когда девушка подала руку инспектору, он с удовольствием отметил, что рукопожатие ее было энергичным и крепким.

– Мы бы хотели побеседовать с вами до того, как вы отправитесь в Блаукирхен, – сказал Миллер. – Нас интересует дом княгини Махарадзе.

Анна нахмурилась.

– Если вы хотите меня допрашивать, то я попрошу вас прислать мне официальную повестку. А сплетничать неофициально я не стану. Нет ни времени, ни желания.

– Вы боитесь княгини?

– Нет, не боюсь. Но в ее доме живет дорогой мне человек, и я не сделаю ничего такого, что могло бы уронить меня в его глазах.

– Вы говорите о бабушке Нине? – мягко спросила Апраксина.

– Да, о ней.

– Погоди, Авива! – сказала Лия и тут же быстро заговорила на иврите. Анна внимательно ее слушала, хмурия густые, сросшиеся на переносице брови. Когда Лия закончила, она

повернулась к Апраксиной и Миллеру.

– Так речь действительно идет о расследовании убийства?

– Да, именно так.

– Можете назначить время для беседы в полиции: я приеду к вам, и вы сможете задать мне свои вопросы.

– Простите, Анна, но обстоятельства складываются таким образом, что лучше нам побеседовать прямо сегодня, не откладывая, – сказала Апраксина. – Мы должны как можно скорее найти убийцу.

– Понимаю. Хорошо, я готова ехать с вами в полицию сейчас, – вздохнув, сказала девушка.

– В этом нет необходимости, – сказала Апраксина. – Мы поедем ко мне домой и поговорим в спокойной обстановке.

– А вы случайно не частный детектив? – спросила Анна, подозрительно оглядывая Апраксину.

– Ни в коем случае! Я официально сотрудничаю с полицией, когда преступление связано или может быть связано с русскими эмигрантами. «Консультант и переводчик» – так называется моя внештатная должность.

– А зачем это нам ехать непременно к вам домой? Я должна ехать в Блаукирхен, завтра с обеда я должна сменить сиделку.

– Вы успеете. Я живу возле самого съезда на автобан № 8, что ведет к Блаукирхену.

– Все равно не понимаю, зачем...

– Но ведь нам нужно еще как-то устроить вашу бездомную

и безработную сестру? Мы попробуем это сделать.

– А вот за это – спасибо! Поехали! – Она подхватила свою дорожную сумку и первой направилась к выходу из терминала.

На Будапештской улице Апраксина усадила гостей под большим каштаном в саду. Все сидели в плетеных креслах вокруг садового стола с мраморной столешницей. Инспектор вынул из портфеля блокнот и приготовился к допросу.

Анна-Авива сразу же его предупредила:

– Я буду говорить лишь о том, что может иметь отношение к погибшей девушке. Хотя я очень сомневаюсь, что могу о ней что-то на самом деле знать.

– А мы начнем с того, что покажем вам ее фотографию, – успокоил ее инспектор. – Вот, взгляните!

Анна взяла в руки фотографию и стала внимательно ее рассматривать.

– Это что, в самом деле труп? – спросила она удивленно.

– Да. Фотография сделана после того, как девушку извлекли из пруда. А что вас так удивило?

– Что удивило? Видите ли, я повидала немало трупов, когда служила в израильской армии, и у них, знаете ли, был совсем другой вид. Дело не в том, что у нее широко открыты глаза – многие жертвы терактов не успевали закрыть глаз. Просто у нее такое спокойное лицо, будто она просто лежит на травке и балдеет на солнышке, глядя в небо... Она что,

не сопротивлялась убийце?

– Нет. Во всяком случае, следов такого сопротивления эксперты не обнаружили. Так вы знаете эту девушку?

– Нет, я ее не знаю. И никогда в доме княгини Махарадзе не встречала никакой похожей на нее девушки. Кстати, а почему вы связали ее с домом княгини, если это не полицейский секрет?

– Да нет, вовсе не секрет, – сказала графиня, подавая Анне копию объявления из «Русской мысли», – в кармане ее брюк мы нашли вот это.

– А вот это мне знакомо! – сказала Анна и улыбнулась. – Именно по этому объявлению я и устроилась на работу к княгине Махарадзе. Или это было другое объявление, но похожего содержания.

– Оно было опубликовано в «Русской мысли» 12 мая 1987 года.

– А, ну тогда это то самое объявление! Я приехала в Германию в апреле 87-го и искала какую-нибудь работу – вот оно мне и попало на глаза. Я тут же написала письмо в «Русскую мысль» и в ответ получила приглашение приехать в Блаукирхен в определенный день для знакомства. Мы вроде бы сразу понравились друг другу...

– Вы говорите о княгине Кето Махарадзе? – быстро спросила Апраксина.

– Нет, о старой княгине, о бабушке Нине: ведь это для нее искали сиделку.

– А вы случайно не помните, вырезали вы тогда объявление из газеты или нет?

– Не помню... Хотя, подождите! Я купила газету на Главном вокзале... Наверняка я либо вырвала целиком страницу с объявлениями, либо оторвала часть газетного листа с ним.

– Вы не вырезали его ножницами?

– Я не имею привычки носить с собой маникюрный прибор с ножницами. Да я и маникюр себе никогда не делаю! – В доказательство Анна показала графине свою руку с широкой ладонью и крепкими пальцами с коротко обрезанными ногтями; на безымянном пальце у нее был крупный серебряный перстень с опалом.

– Какой красивый у вас перстень! – заметила Апраксина.

– Подарок бабушки Нины, – гордо сказала Анна, полюбовалась перстнем и убрала руку. Но Апраксиной показалось, что по лицу Анны скользнула какая-то тень.

– Теперь расскажите нам, на каких условиях вы начали работу в доме княгини Махарадзе.

Анна нахмурилась.

– Это что, имеет непосредственное отношение к убитой девушке?

– Возможно, да, а возможно, и нет, – сказал инспектор. – Но мы надеемся на честный и откровенный ответ.

– В таком случае я подожду, пока вы мне точно не скажете, что этот дом имеет непосредственное отношение к убийству, – тогда и поговорим. Хоть я и сиделка, можно сказать,

прислуга, но я живу в доме уже несколько лет и не сделаю ничего, что может повредить хозяевам.

– А может? – проникновенно спросила Апраксина.

– Вы о чем?

– О том, что вы знаете о хозяевах что-то такое, что может заинтересовать полицию.

– Возможно, да, а возможно, и нет, – повторила девушка ранее сказанные слова инспектора. – Задавайте ваши вопросы о деле – получите ответы, а уж делать выводы будете сами. Это ведь ваша работа, или нет?

– Так вы, значит, служили в израильской армии, – сказала Апраксина.

– Да. Служила. В Израиле существует воинская обязанность и для девушек. Что, это до сих пор заметно?

– Что-то такое есть, – неопределенно ответила графиня, а про себя подумала: «У тебя, девушка, характер солдатский: раз-два и отрезала! Но при этом ты, милая, и сама не заметила, что сказала больше, чем хотела». И тут же Апраксина повернулась к инспектору: – Я думаю, мы не будем требовать от Анны, чтобы она поступалась своими принципами. В сущности, она сказала нам все, что имеет отношение к объявлению в «Русской мысли», не так ли, инспектор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.